

Иван Снежневский

БОГИ ИГРАЮТ В КОСТИ

Вы правда верите,
что миром правят люди?

Иван Снежневский

Боги играют в кости

«Автор»

2015

Снежневский И.

Боги играют в кости / И. Снежневский — «Автор», 2015

Загадочные археологические находки, необъяснимые убийства, совершенные при помощи странного оружия, тайное братство, за которым охотится секретный отдел КГБ – все это сходится в одной точке, где раскрывается невообразимая правда о том, что происходит на планете. За причудливыми поворотами сюжета скрывается стремление автора постичь природу вещей и событий, ненавязчиво привлечь читателя к размышлениям о важнейших жизненных ценностях, многомерности человеческого естества, поисках себя и смысла жизни – вопросах, неизменно волнующих каждого из нас.

© Снежневский И., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Пролог	5
Глава первая Истории мертвых	6
Алим, 1986 год	7
Александр, 1993 год	11
Серафима, 1993 год	15
Иван, 1993 год	18
Мария, 1974 год	22
Иван, 1993 год	23
Серафима, 1993 год	25
Александр, 1993 год	27
Алим, 1986 год	31
Глава вторая Точка невозврата	33
Александр, 1971 год	34
Мария, 1968 год	37
Иван, 1993 год	40
Иван, 1993 год	46
Мария, 1968 год	48
Александр, 1993 год	51
Глава третья Образ Бога	58
Александр, 1993 год	59
Иван, 1993 год	64
Мария, 1971 год	70
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Иван Снежневский

Боги играют в кости

Пролог

– Деда, rrrr...

Очаровательное рыжеволосое создание тринадцати месяцев от роду, сидящее у меня на коленях, настойчиво требовало экзотических развлечений. Я воровато прислушался, стараясь определить, нет ли по близости кого-нибудь из домашних. Убедившись, что в залитом утренним светом доме царит тишина, я спустил внучку на пол, поставил перед собой и... превратился в тигра. Я по-прежнему ощущал себя человеком, но заливающаяся счастливым смехом малышка видела огромного полосатого зверя, покачивающего длинным гибким хвостом прямо возле ее наморщенного носика. Я зарычал, скаля крупные желтые клыки и припадая на передние лапы, подобно настоящему хищнику. Девочка слегка отпрянула, продолжая радостно хлопать в ладоши.

За прошедшие годы я так и не привык к своим невероятным способностям, и каждый раз по-прежнему возникает волнующее ощущение волшебства. Можно пытаться разложить чудо на кванты, кварки, мюоны, лептоны и так далее, куда приятнее поверить, что реальность ближе к волшебным сказкам нашего детства, чем к тому, что написано в учебниках. Не стоит разбирать чудесную игрушку, чтобы посмотреть, как она устроена вместо того, чтобы наслаждаться игрой...

– Иван, мы же договорились, что ты не будешь показывать ребенку ничего подобного! – захваченный своими мыслями я не заметил, как в комнату вошла жена. – Ты сам принял это решение, чтобы наши дети могли прожить нормальную, спокойную жизнь.

– Она никому не расскажет, – заговорщически подмигнул я маленькой Серафиме, еще ни разу не заходившей в своих попытках говорить дальше обычного детского лепета.

Маша покачала головой. В ее глазах читалось не осуждение, а сочувствие. Она понимала, насколько сложно мне жить жизнью обычного человека, будучи тем, кто я есть.

– Напиши об этом книгу, – как-то предложила она.

Сперва я отнесся к этой идее скептически, но чем больше думал, тем яснее понимал, что это единственный способ придать смысл тому, кем я стал, что я сделал и от чего отказался.

Удивительная история, длящаяся, по сути, от самого сотворения мира, для меня началась в 1993 году, ровно в день моего двадцатилетия. Этот год, отмеченный в учебниках всего несколькими скупыми абзацами, на самом деле изменил весь ход истории страны, которую я по-прежнему считаю своей, а может и повлиял на судьбу всего мира. Для меня же стал той гранью, за которой открылась совершенно иная реальность. Считается, что невозможно определить точку на линии времени, где будущее становится определенным, неизменным. Это не так. Есть конкретные моменты, решающие судьбы миллионов людей: миг, когда останавливаются кости.

Я хочу рассказать об этом вам – так, как сумею.

Узнав о моих планах, мама с энтузиазмом вызвалась мне помочь. Изида, самая прекрасная и коварная из всех богинь, ехидно пожелала удачи. А Пендрагон, которого я не без внутреннего содрогания поставил в известность о своем решении, лишь добродушно рассмеялся: «Тебе никто не поверит».

И все-таки я должен честно вас предупредить – читая эту книгу вы, возможно, подвергаете себя смертельной опасности.

Глава первая Истории мертвых

Я стою перед владыками, которые знают историю мертвых; которые решают, какие рассказы услышать вновь и какие книги жизни полны, а какие пусты; которые сами являются творцами правды... И когда рассказ будет дописан, конец окажется хорошим, а душа человека — совершенной, они с криком восторга поднимут его в небеса.

Древнеегипетская «Книга Мертвых»

Алим, 1986 год

– Профессор, профессор! Идите скорее сюда! Ну идите же, Алим Назарович, вы должны это увидеть, – даже издали было видно, каким ажиотажем сверкают глаза Пети, студента-второкурсника.

Эти молодые ребята, как восторженные щенки, подумалось профессору. Каждый найденный черепок, каждая кость вызывают у них бурю восторга. Жаль, что он уже не может разделить их трогательного энтузиазма. Раскоп древней стоянки обычно не приносит великих открытий. Осколки керамики, кости, камни, останки животных – вот и весь перечень ожидаемых находок.

Археологическая экспедиция уже подходила к концу. Никаких сенсаций не предполагалось, обычная студенческая практика. Два дня назад недалеко от лагеря экспедиции неутомные студенты нашли интересное место: небольшая речушка недавно поменяла русло, глину размыв водой на десятки метров вглубь, и в результате обнажился древний слой, относящийся к верхнему мелу¹. Ребята попросили разрешения «копнуть». Поскольку программа экспедиции была уже выполнена, все находки очищены, подписаны и тщательно упакованы, профессор благосклонно разрешил, честно предупредив, что вряд ли студенты найдут что-либо более интересное, чем обычные окаменелости, давно классифицированные исследователями. Ребята, несколько притомившиеся от бесконечной череды однообразных костей и черепков, обрадовались и такой перспективе: окаменелости – это все же что-то новое.

Вообще говоря, ископаемые моллюски банальны разве что с точки зрения палеонтолога. Для человека с воображением это чудесная находка, позволяющая представить жизнь, какой она была миллионы лет назад. Миллион лет! Для нас, не способных прожить даже одну десятитысячную часть этого времени, цифра невообразимо огромна, сродни бесконечности. А для жизни в целом – всего лишь капля реки, пиксель картины. И все же интересно, что они там такого нашли? Хорошо сохранившиеся криноидеи²? Или скопление аммонитов³? Алим неспешно двинулся в ту сторону, откуда то и дело раздавались изумленные крики ребят.

Он обогнул большие брезентовые шатры, напоминающие ангары, где хранились вещи, продукты и складывались археологические находки. Их окружали палатки поменьше – скромные жилища участников экспедиции. Лагерь был разбит на пригорке, откуда открывался изумительный вид: плавный изгиб речушки выныривал из леса, затекая на солнце причудливую игру, сверкая тысячами бликов, то распахиная, то скрывая отражения облаков – и снова исчезал за деревьями, словно его и не было. Профессор, наслаждавшийся этой картиной каждый погожий день, все же невольно залюбовался. Заинтересовавший студентов участок скрывался за небольшим лужком, по которому десятком беспокойных ног уже была протоптана надежная тропинка. Аромат созревших августовских трав смешивался с тягучим запахом каких-то незнакомых Алим цветков, мелкими белыми брызгами разбросанных по уже слегка желтоватому фону – последний подарок уходящего лета.

Подойдя к месту раскопа, профессор буквально остолбенел. Ребята давно побросали лопаты и азартно скакали возле отвала на склоне речного обрыва, а две девушки-студентки, стоя на коленях, при помощи скребков и кисточек обнажали из слоя глины отлично сохранив-

¹ Верхний мел (поздний мел) — вторая и последняя эпоха мелового периода (100,5 миллионов - 66,0 миллионов лет назад).

² Морские лилии, или криноидеи — донные животные с преимущественно сидячим образом жизни. Существуют с ордовика (нач. 485 млн. лет назад) по настоящее время. Криноидеи редко сохраняются целиком, такие находки походят на рукотворные барельефы и буквально поражают воображение.

³ Аммониты — вымерший подкласс головоногих моллюсков, существовавших с девона по меловой период. Название получили из-за выраженной спиральной структуры, в честь древнеегипетского божества Амона с витыми рогами. Вымерли одновременно с динозаврами. Скопление окаменевших аммонитов выглядит очень эффектно.

пийся человеческий скелет. Даже сама по себе подобная находка в таком месте была необычной, но на этом странности лишь начинались. Профессору сразу бросился в глаза уже наполовину выступающий из земли очень необычной череп удлиненной формы.

– Профессор, мы откопали инопланетянина! – восторженно вопил неугомонный Петя.

– Так, быстро отошли все! – рявкнул Алим. – Зовите лаборантов! И несите фотоаппарат, живо!

Он уже сетовал на то, что позволил ребятам подобную самостоятельность. Доверять пока еще неумелым студентам обработку любых нестандартных находок ни в коем случае не допускалось. Через несколько минут подоспели две опытные лаборантки, сменившие взволнованных студентов, крайне неохотно уступивших место профессионалам.

К вечеру скелет был выкопан целиком, многократно сфотографирован с различных ракурсов и аккуратно разложен на брезентовом полотнище в самой большой палатке, считавшейся экспедиционной лабораторией.

Возбужденные ребята никак не могли уговориться. Они сгрудились возле входа, на все лады обсуждая события дня и выдвигая различные версии происхождения скелета – от бредовых до совершенно фантастических. Алим понимал, что так бы ему ни хотелось остаться один на один с удивительной находкой, сперва нужно заняться более насущным делом – успокоить студентов.

Он чуть ли не силой заставил ребят отойти от палатки и рассестись за «скифский стол», представлявший собой две параллельные траншеи для ног, между которыми были настелены доски, служившие членам экспедиции и обеденным столом, и ученической партией.

– Алим Назарович, это и вправду инопланетянин? – наивно и доверчиво спросила Аня, самая молодая студентка в группе.

Да, деточка, вряд ли ты станешь профессором, беззлобно констатировал Алим. И своим прекрасно поставленным лекторским голосом начал наспех сочиненную речь:

– Ребята, вы же будущие ученые-археологи, а не писатели-фантасты. Подобные черепа удлиненной формы находят в разных частях света. Эта особенность традиционна для многих народов первого тысячелетия до нашей эры. Так что ничего вопиюще необычного в вашей находке нет. Наши далекие предки перетягивали своим детям в младенческом возрасте голову бинтами и лентами и укрепляли конструкцию при помощи специальных дощечек. Подобно тому, как в Китае и по сей день у девочек насильственно формируют маленькие ступни, они создавали иную форму черепа, в нашем случае, вытянутую. Кстати, особенно много таких деформированных черепов находят в захоронениях XXII - VI века до нашей эры на территориях северного Причерноморья, Кубани и Северного Кавказа, где обитали сарматы. В Северной Америке некоторые племена соблюдали подобную традицию вплоть до совсем недавнего времени, а в африканском племени мангбету детей продолжают подобным способом уродовать и сейчас.

– А зачем они это делают? – заинтересовались студенты. На их лицах вместе с любопытством явственно читалось разочарование: теория «инопланетянина» им явно нравилась больше.

– Трудно точно сказать. Версий, пытающихся ответить на вопрос: зачем, как минимум, несколько. Некоторые исследователи считают, что эта традиция была связана с особым социальным статусом. Согласно другой интерпретации, удлинение носило информативную функцию – так люди определенных племен отличали своего от чужого.

– А вы сами как считаете? – поинтересовался кто-то из студентов.

– Лично мне ближе теория, связанная с мифологией, – ответил профессор. – Из старинных преданий племен, где практиковались такие обычаи, можно заключить, что они делают это, чтобы уподобиться богам и получить их невероятные способности. В результате исследования

находок выяснилось, что наряду с искусственно вытянутыми черепами встречаются и те, что имеют столь необычную естественную форму. Такие черепа (я говорю про случаи, когда они были тщательно исследованы) не имеют фронтального и сагиттального швов, зато имеют шов, диагонально пересекающий лобную часть головы, то есть отличаются от нормальных человеческих не только формой, но и строением. В тех случаях, когда были проведены соответствующие анализы, возраст естественных черепов вытянутой формы определялся в 2-3 тысячи и более лет. Если это все сложить, получается, что древности существовали некие длинноголовые «боги», которые произвели на людей столь сильное впечатление, что даже спустя тысячелетия стремились на них походить.

– И кто они? Все-таки инопланетяне? А у нашего черепа какая форма: естественная или приобретенная? – со всех сторон посыпали вопросы.

– Конкретно у вашего, Петя, черепа, форма совершенно обыкновенная, – попытался отшутиться профессор. Но студенты не желали уgomониться, жадно требуя ответов.

– А что показал анализ ДНК? – спросил кто-то.

– Ребята, ну уж это-то вы должны знать. Чему мы только вас учим? – покачал головой профессор. – Секвенирование⁴ ДНК из археологических находок сопряжено с таким количеством проблем, что пока только самые крупные и хорошо оборудованные институты берутся за подобную работу. За тысячи лет пребывания в земле ДНК в костях разрушается, остаются только короткие фрагменты, непригодные для полноценного анализа. В условиях тропиков ДНК вообще не сохраняется, хорошие образцы можно получить только из мерзлоты или районов с сухим климатом. Кроме того, кости, изъятые из земли, загрязнены ДНК почвенных микроорганизмов. Но самая существенная проблема при исследовании древних останков человека, – занесение на них современной ДНК работавших на раскопах и в лабораториях людей.

– Да, да, мы знаем про проблемы с анализом ДНК. Но почему тогда не инопланетяне?

– Ученые до сих пор постоянно открывают новые виды живых существ – как ныне существующих, так и давно вымерших. Среди них теоретически могут оказаться и столь же высокоразвитые, как мы, но принадлежащие к другому виду. Правда, согласно экологической теории, два вида не могут сосуществовать друг с другом в одной системе, если они занимают одну экологическую нишу, но тут, как говорится, возможны варианты...

– То есть, говоря иными словами, ученые ничего не знают? – дерзко перебил кто-то.

– Говоря иными словами, это тема для дальнейших исследований, – резко ответил Алим, – все, пресс-конференция окончена!

– И что будет теперь с нашим раскопом? Мы останемся здесь? – осторожно поинтересовался кто-то из притихших ребят.

– Наша экспедиция завершится через два дня, как и планировалось. Я доложу о находке в Академию наук и, возможно, сюда отправят новую археологическую партию.

– Возможно? Но это же все равно необычайная находка! Кто знает, что еще можно здесь откопать! – студенты не отставляли надежду на сенсацию.

– Это не мне решать, – попытался закрыть дискуссию профессор.

Но ребята наперебой галдели, никак не желая смириться с ситуацией.

– А можно мы завтра еще покопаем? Мы осторожно! И если что найдем – сразу вас позовем, – ныл Петя, самый пламенный энтузиаст «искусства лопаты».

Алим Назарович понимал, что ни в коем случае нельзя позволять ребятам подобную самодеятельность, но сегодняшняя находка оказалась столь интригующей, что невозможно было не соблазниться этой идеей.

⁴ Секвенирование (от лат. *Sequentum* – последовательность) – определение аминокислотной или нуклеотидной последовательности белков и нуклеиновых кислот – ДНК и РНК.

– А, – махнул рукой профессор, – копайте! Только очень аккуратно. И если что – сразу ко мне!

Впоследствии Алим не раз сожалел об этом поспешном и опрометчивом решении. Возможно, остановись они тогда – и вся его дальнейшая жизнь пошла бы иначе.

Александр, 1993 год

Александр Игнатьевич Снежневский, в недавнем прошлом – полковник КГБ, а ныне – служащий Министерства безопасности Российской Федерации ⁵, свернул с шоссе на неширокую, но тщательно заасфальтированную лесную дорогу. Прямо перед его глазами на приборной панели лежал странный предмет, которому там явно было не место. Впрочем, ответить на вопрос, где ему место, было бы непросто. Такого не увидишь ни в одном музее мира, ни в одной коллекции. На первый взгляд вещь определялась как кинжал, очень искусно сделанный, явно старинный. Но при внимательном рассмотрении в нем обнаруживалась некая неестественность, словно он принадлежал не просто иной эпохе, а вообще другой Вселенной. Миру с иной геометрией пространства и иными эстетическими представлениями. В изогнутом причудливой спиралью лезвии и тонко, богато украшенной ручке было что-то, вызывающее в памяти образы с гравюр Эшера или архитектурных творений Гауди. По крайней мере, любителю искусства Александру приходили на ум именно такие ассоциации. Автомобиль неспешно кружил по поворотам лесной дороги, а полковник все глубже погружался в размышления о необычном орудии убийства, с которым за свою жизнь он столкнулся отнюдь не впервые.

Сегодня привычный распорядок полковника был безжалостно нарушен. Его утро началось с весьма неожиданных и страшных событий, трофеем которых и стал этот странный кинжал. И теперь нужно было срочно поставить задачу экспертам и обеспечить охрану артефакта. Второму моменту Александр придавал особое значение – за годы службы в его руках уже трижды оказывались подобные орудия убийства, похожие друг на друга настолько, что можно было подумать, что это один и тот же предмет. Но Александр был уверен, что их как минимум несколько, поскольку тела с характерными ранами встречались во всех уголках страны, а, возможно, и мира. И неизменно происходило одно и то же: кинжал бесследно исчезал, невзирая на самые современные сейфовые замки, запертые двери кабинетов и надежную охрану. Причем случалось подобное всегда до проведения каких бы то ни было экспертиз. Именно поэтому Александр лично вез клинок в лабораторию, буквально ни на минуту не сводя с него глаз. Не то чтобы он верил, что артефакт может просто раствориться в пространстве, но, пожалуй, уже не исключал и такой возможности. Много лет имея дело с самыми необычными инцидентами, он знал, как много вокруг происходит вещей, необъяснимых с точки зрения современной науки. Он ни в коей мере не считал эти явления мистическими, просто слишком многому еще не найдено было места в научной картине мира. Александр даже не догадывался о том, что эта его концепция почти буквально повторяла слова Блаженного Августина: «Чудеса противоречат не природе, а тому, что мы знаем о ней».

Примерно через пару километров появились ворота с будкой охраны. Вдали, за довольно высоким забором среди деревьев виднелись трехэтажные корпуса. Это место, не обозначенное ни на одной карте, лишенное указателей и табличек, со стороны больше всего напоминало подмосковный санаторий. И лишь те, кто приезжал сюда по долгу службы, знали, что за неприметным фасадом находится одно из самых секретных подразделений бывшего Второго главного управления КГБ⁶ – Управление «Н»⁷.

⁵ Министерство безопасности Российской Федерации (МБР) – центральный орган исполнительной власти России, в ведении которого в период с января 1992 по декабрь 1993 года находились вопросы обеспечения государственной безопасности. В состав МБР входили контрразведывательные, оперативные, технические и аналитические подразделения бывшего Комитета государственной безопасности СССР (КГБ).

⁶ Второе главное управление КГБ СССР (ВГУ) — структурное подразделение Комитета государственной безопасности СССР, ответственное за контрразведку.

Подходя к лаборатории, полковник услышал громкие голоса, перемежающиеся смехом, и понял, что ожидающие его прихода эксперты по обыкновению травят байки и страшилки про кинжал. Александр понимал, что сотрудникам предстоит непростая работа в условиях повышенного режима охраны, и они таким образом стремятся хоть немного снять напряжение, и все же раздающийся из кабинета дружный хохот его покорило. На этом лезвии крови, вероятно, больше, чем на любом другом существующем на земле оружии. Совсем недавно клинок был обагрён ею вновь. И Александр хорошо знал, чья это кровь. Может быть поэтому, войдя в лабораторию и, поприветствовав небрежным кивком двоих самых опытных экспертов и четверых самых надежных офицеров охраны, он не перебрался по обыкновению с ними несколькими дружескими фразами, а перешел сразу к делу. Осторожно, словно нечто невероятно хрупкое, он положил загадочный предмет прямо под яркую лампу на лабораторном столе.

– Он, точно он! – воскликнул Самуил Федорович, пожилой специалист по оружию, способный подробно описать все известные человечеству орудия убийства от начала времен и до наших дней. Александр знал, что такой кинжал ученый тоже видел не впервые: однажды они вместе вот также смотрели на лежащий на столе страшный предмет...

– Вот, извольте видеть, товарищ полковник, я и рисуночек свой приготовил. Я ж тогда по памяти смог его зарисовать.

Полковник взглянул на карандашный набросок, сделанный много лет назад, и согласился, что поблескивающий в свете лампы артефакт соответствует ему до мельчайших деталей. Впрочем, с деталями они могли и ошибаться...

– Будет ли мне дозволено узнать обстоятельствами его появления у нас? – витиевато поинтересовался эксперт.

Полковник счел возможным очень кратко удовлетворить его любопытство:

– Его доставил один из наших агентов. Ценой собственной жизни.

Произнесенные слова отозвались в сердце неожиданно острой болью. А Александру казалось, что он уже давно привык к тому, что его служба, в силу той сложной и опасной миссии, с которой она связана, состоит из множества подобных потерь.

– То есть его... – не удержался второй специалист, мужчина средних лет, лучший в отделе эксперт-криминалист.

– Да, его достали из тела, – резко ответил Александр, невольно вспомнив, как он вынимал лезвие, ощущая тепло только что умершего буквально у него на руках парня, который был ненамного старше его сына. И теперь полковника мучило острое чувство вины. Он отправил молодого агента следить за Серафимой просто по наитию, не ожидая ни беды, ни особых результатов. Пусть, мол, потренируется, походит в «наружке». Полковник знал, что за ней наблюдают Василиски, но это длилось уже много лет, на глаза агентам они обычно не попадались, и никаких решительных действий никто не ожидал.

И вдруг этот звонок из отделения милиции. Лейтенант чудом дополз туда от дома Серафимы, крепко прижимая рану, из которой торчала причудливая ручка кинжала. Полковник лично бросился на место, но опоздал – парень умер, успев сказать дежурному, что Василисков было двое, один напал на него, а второй вошел в подъезд, где жил объект слежки. Александр тут же отправил Вышникова, лучшего своего агента, к Серафиме, а сам лично повез драгоценный артефакт в лабораторию Управления «Н».

«Н» означало «научно-оперативное», или «не знаю, что за хрень творится», как шутили сотрудники. За годы службы в этом отделе Александр навиделся всякого: таинственные исчезновения людей и даже целых населенных пунктов, загадочные смерти, появление на земле и в небе непонятных знаков, неопознанных объектов.

⁷ Управление «Н» создано на базе 1 отдела Управления «А» (аналитическое) ВГУ приказом КГБ № 00109 от 1 ноября 1971 г.

В 1978 году, по мере накопления фактов появления НЛО, эту тему выделили в отдельное направление под названием «Сетка», создав специальные центры исследования в Академии наук и в Министерстве обороны. Но вся остальная «хрень» по-прежнему оставалась в ведении Управления «Н».

В сейфах кабинетов и лабораторий этого подразделения хранилось столько удивительных документов, странных предметов, и необъяснимых фотографий, что иногда Александру казалось, что все это – блестящая фантазмагория, фон для какого-то фантастического сюжета.

– Самуил Федорович, что можете сейчас сказать про это оружие, – постарался отвлечься от тяжелых дум полковник.

Пожилой эксперт вдохновенно смотрел на лежащий перед ним предмет и, словно в бреду, бормотал:

– Изумительно, просто изумительно...

– Самуил Федорович, – повысив голос, окликнул его Александр.

– Ах, да. Товарищ полковник, к стыду своему должен признаться, что почти ничего.

– Вот про «почти» и давайте поподробнее.

– Ну... На первый взгляд сие орудие слегка напоминает пхурбу — тибетский ритуальный кинжал, использующийся для изгнания злых духов из тела методом нанесения колющих ударов. Только у того лезвие трехгранное, а тут закручено в виде спирали, наподобие самореза. А вот еще одно сходство — змея, только там она на самом клинке, а здесь, извольте посмотреть, на ручке. Вообще изображение змеи нередко можно встретить на оружии, но такого рисунка как здесь я еще не встречал.

– Мне это напомнило литографию Эшера «Дракон» или последнюю его работу – «Змеи». Хотя рисунок вроде и не похож, но что-то есть неуловимо общее.

– Не подозревал, товарищ полковник, что вы такой поклонник искусства. А общее... Здесь, как и в работах Морица Эшера, имеет место импоссибилизм⁸. Только художник нарушение логики пространства использовал на плоскости, в двухмерном варианте, а тут, видите, трехмерность искажена, как будто мастером введено еще одно измерение.

Полковник присмотрелся. Действительно, и в спирали клинка, и в сложном орнаменте на ручке прослеживалась некая аномальность, неправильность, замаскированная идеальным переплетением линий, что и вызывало ощущение противоестественности всего предмета.

– Зачем это сделано, как вы думаете?

– Э, батенька, я еще не понял, что именно тут сделано, а вы уже спрашиваете: зачем? – покачал головой эксперт. – Странно уже одно то, что я об этом оружии вообще ничего не знаю.

– А это что за значки? – пригляделся полковник к едва различимым под толстым слоем патины линиям на круглом диске, обвитом хвостом змея. Все остальные части кинжала были неоднократно тщательно отполированы, а в этом месте, напротив, налет времени казался нетронутым, словно владелец оружия стремился забыть или скрыть нанесенное на нем изображение.

Самуил Федорович взял большую лупу, но и она не помогла. Одно стало несомненным – в самом центре ручки таился какой-то рисунок.

– Откроем, посмотрим, ничего не упустим, – в предвкушении мурлыкал эксперт, дрожа от нетерпения, как конь перед стартом скачек.

С усилием оторвав взгляд от кинжала, полковник распорядился:

⁸ Импоссибилизм – жанр искусства, подразумевающий изображение геометрически невозможных фигур, предметов, которые кажутся реальными, но не могут существовать в физической реальности.

– Приступайте. Как только будут результаты – немедленно докладывайте. Если случится что-то... – он сделал небольшую паузу, подбирая подходящее слово, – экстраординарное, срочно сообщайте мне. В любое время суток.

Едва вернувшись в свой кабинет, Александр услышал нервный звон телефонного аппарата, куда звонок всегда шел напрямую, минуя секретаря. Сняв трубку, он некоторое время молча слушал, затем не сдержал горестного стога:

– Серафима...

Выслушав ответ невидимого собеседника, полковник нахмурился и отрывисто бросил:

– Тело доставить нашему эксперту и срочно приступить к вскрытию.

Положив трубку, Александр оперся подбородком о сцепленные замком руки и словно впал в забытие. Перед его мысленным взором невольно возникло нежное лицо, обрамленное рыжими прядями и добрые, пронизательные глаза. Он помнил эти глаза и до краев наполненными болью утраты, и тлеющими надеждой, и зажженными испепеляющим огнем страсти. Никто, думал он, а тем более его сын, никогда не узнает, какие странные узы связывали его с Серафимой. Теперь уже точно не узнает.

Серафима, 1993 год

Увидев в «глазок» двери странного вида незнакомца в надвинутом на глаза капюшоне, она сразу поняла, что с ним в дом войдет смерть. Дверной звонок прозвенел в самый неподходящий момент, она даже хотела сделать вид, что не слышит, но все-таки, после нескольких настойчивых трелей решила посмотреть, кто там. Ах, как некстати, подумала она отрешенно, словно за порогом стоял разносчик пиццы, а не ее будущий убийца.

Серафима бросила нетерпеливый взгляд вглубь квартиры, где, невидимое за перегородками и дверьми в просторном кабинете, заваленном всяким археологическим хламом, преспокойно лежало на столе письмо, способное перевернуть историческую науку. Более того, если написанное в нем – правда, то все представления человека о том, что породило нынешнюю цивилизацию и какие силы управляют миром, окажутся не более чем досадным заблуждением.

Самым забавным было то, что письмо находилось в руках Серафимы уже много лет, но только теперь, перед тем, как передать Ивану, она решилась его прочитать. Во всем виновато пресловутое «хорошее воспитание». Постулат «Нельзя читать чужие письма!» каленым железом безапелляционных родительских наставлений выжжен на подкорке. Даже если это письмо твоей лучшей подруги. Впрочем, изучив его вдоль и поперек тогда, девятнадцать лет назад, Серафима могла бы ничего не понять, и, пожав плечами, отложить конверт до лучших времен. Зато теперь, после долгих лет, посвященных разгадыванию истинной картины прошлого человечества, кропотливых исследований, бессонных ночей, наполненных бесконечной чередой догадок и теорий, история, рассказанная Марией в нескольких скупых фразах, приобрела смысл.

Серафима, хотя ее научные интересы лежали несколько в другой области, не могла не согласиться, что цивилизации на планете возникли слишком уж внезапно. С одной стороны – разрозненные племена, ведущие полудикое существование, с другой – Древний Египет, Шумер, Страна городов⁹. Ни один исследователь прошлого не может убедительно объяснить, как на таком примитивном фундаменте образовались столь развитые общества, обладающие поистине удивительными познаниями. Астрономические и архитектурные навыки, позволившие построить Аркаим или египетские пирамиды, были необычайно сложны и точны. Шумерская математика, основанная на шестидесятеричной системе, так идеально подошла для геометрических вычислений, что человечество пользуется ею и по сей день. Космологические представления этих народов выходили далеко за рамки доступной непосредственным наблюдениям части Вселенной. Древние люди овладели способами получения сплавов и научились производить бронзу – металл, изменивший весь ход истории человечества и давший название целой исторической эпохе¹⁰.

Серафиму ничуть не задевала мысль, что дорогая подруга без всяких усилий завладела тайной, к которой она сама двигалась маленькими шажками без малого два десятка лет. Мария очень дорого заплатила за свою причастность к тому, что теперь предстало перед Серафимой во всей своей удивительной и жуткой очевидности. Жива ли она еще? Вряд ли – отвечал разум. Конечно, жива – не соглашалось сердце.

Но вот в собственной скорой смерти Серафиме сомневаться – увы – не приходилось. Она знала, что те, кто веками охраняют эту тайну идут за нею след в след. Она чувствовала их ост-

⁹ Страна городов – условное название территории на Южном Урале, где найдены древние городища, датируемые XXII–XVII вв. до н. э., наиболее известные из которых – Аркаим и Синташта.

¹⁰ Бронзовый век – выделяемый на основе данных археологии период человеческой истории, характеризующийся ведущей ролью изделий из бронзы.

рый настороженный взгляд и на раскопках в Мексике, и во время любезно дозволенного египетскими властями посещения внутренних камер пирамид Гизы, и в Каирском музее, где она провела много часов за изучением древних артефактов, и даже в своем кабинете в московском Археологическом институте.

И именно теперь, когда все ключи у нее в руках, ей не суждено увидеть чудесного результата своих изысканий. Это было единственное, о чем она сейчас горевала. В том, что жизнь вот-вот закончится, не было сожалений, лишь легкий оттенок грусти незавершенности и печаль за тех, для кого она была дорога. Любимые родители, родственники, друзья ждали ее там, за чертой, которую она скоро пересечет. Из тех, кто оставался здесь, больше всех она волновалась за мальчика.

Серафима понимала, что письмо давно потерянной матери изменит судьбу ее крестника, и – увы – подвергнет его смертельной опасности. Но если таков был замысел, то ее бездействие все равно ничего не изменит, и Иван иным способом окажется возле пропасти. А не выполнить обещание, данное несчастной подруге в самый страшный момент ее жизни – день расставания с сыном, теперь она считала себя не вправе.

Она не может умереть, пока не повидается с Иваном! Иначе получится, что все было напрасным. Серафима невольно скользнула глазами в сторону кухни, где в буфете, спрятанное среди банок с травами, девятнадцать лет пролежало письмо, написанное Марией. Оно находилось там и теперь, а на столе в кабинете была разложена копия, которую Серафима предусмотрительно сделала, тщательно имитируя почерк подруги. Очевидно, предосторожность оказалась не лишней.

При очередной трели дверного звонка взгляд женщины метнулся к телефону. Надо позвонить Александру, и он пришлет своих людей! Но снятая с аппарата трубка ответила ей ледяным молчанием. Может быть, просто не открывать дверь? Высунуться в окно и закричать? Мысли метались, ища возможность спасения, но тело охватило странное оцепенение. Тот, кто стоял за дверью и методично нажимал кнопку звонка, знал, что она не сделает жалкой попытки спастись. От Нефилимов нет спасения. Все, кто попыбует ей помочь, подвергнутся смертельной опасности. Что ж, если в твою дверь звонит смерть – нужно, по крайней мере, встретить ее достойно.

Серафима обреченно пошла открывать. Увидев ледяную непреклонность во взгляде своего будущего убийцы, она почувствовала острую физическую слабость, как если бы в теле лопнули нитки, удерживающие органы на местах, и все они, согласно закону всемирного тяготения, устремились книзу, наполняя живот невыносимой горячей тяжестью. Каждый человек знает, что он умрет. Но пока это знание абстрактно, а момент смерти не определен, мы живем, словно бессмертные боги, бездумно растрачивая самое большое свое богатство – время. Как правило, только знающие о приближающейся смерти – например, неизлечимо больные, способны ценить каждое прожитое мгновение. А ведь мы все в какой-то мере «неизлечимо больны» и всех ждет в конечном итоге один и тот же финал. Такие мысли за долю секунды родились в голове Серафимы. Все отпущенное ей время сжалось и поместилось в крохотной скорлупке последних минут жизни. А дальше – все, черная дыра, из которой ничто не способно вернуться обратно. Потому что время – свойство этого мира, а *там* времени нет.

Серафима застыла, не в силах оторвать взгляда от бездонной черноты зрачков Нефилима. К сожалению, сохранить ей жизнь он не мог – иначе очень скоро она соберет воедино всю известную ей информацию и будет точно знать, как завладеть самым мощным источником силы на земле. Подобно древнему охотнику, он мысленно просил прощения у своей жертвы, обещая ей самую легкую смерть, какую только возможно. К счастью, причинять лишнюю боль женщине не придется, она сама своим встревоженным взглядом указала ему в сторону кабинета, где на столе разложено то самое письмо, ради которого он пришел. Не отрывая взгляда

от Серафимы, он, перешагнув через стопки книг и коробки с какими-то древними черепками, прошел к столу и бережно собрал листки. Горечь поражения и смирение в глазах женщины подтвердили, что он нашел то, что нужно.

– Могу я напоследок удовлетворить свое любопытство человека и ученого? – спросила пленница.

С одной стороны, Нефилим знал, что медлить не стоит – с каждой минутой, с каждым произнесенным словом его симпатия к жертве возрастает, а выполнение миссии становится труднее. С другой – он не мог отказать Серафиме в последнем в ее жизни удовольствии: узнать то, чего она еще не успела понять сама. Он молча кивнул.

– Боги действительно и ныне существуют? – севшим от волнения голосом прошептала Серафима.

Иван, 1993 год

Серафиму я увидел на кухне. Она сидела в своем любимом кресле, неловко завалившись на один бок, а на пол рядом капали густые темные капли. Глаза ее были широко открыты и смотрели прямо на меня. Она сделала знак рукой, прося, чтобы я подошел ближе. С трудом справившись с охватившим мои члены оцепенением, я сделал два быстрых шага и опустился перед ней на колени, чуть не угодив прямо в темную лужу, пронзительно и страшно пахнущую смертью.

– Слава Богу, ты успел. Нефилим пришел за письмом... Хорошо, что я была готова, – еле слышно проговорила Серафима. Всегда звонкий, словно колокольчик, голос превратился в хриплый шепот, затихающий к концу фразы, словно с каждым словом из ее тела выходила жизнь.

– Серафима, что с тобой, кто это сделал? – я тоже говорил с трудом, поскольку сразу понял, что теряю крестную навсегда, и эта страшная правда сдавливала мне грудь, мешая дышать.

– Сейчас не важно, кто... Потом ты сам все поймешь. Тебе тоже грозит опасность. Возьми настоящее письмо и амулет, они там, в буфете, в банке с сухим зверобоем. Ну, иди же!

Повинуясь воле умирающей, я словно во сне поднялся, подошел к старинному буфету красного дерева с потрескавшимся лаком на красивых резных дверцах. Жестяные и стеклянные банки с сухими травами теснились здесь вперемежку с какими-то склянками и коробками.

– Та, что справа, со слоном на крышке, – из последних сил выдохнула она.

Я взял в руки большую красивую банку из-под импортного чая, открыл, и, запустив руку в колючее остро пахнущее месиво из сухих стеблей и листьев, вытащил пухлый мятый конверт и какой-то старый круглый предмет на истертых шнурках. Я машинально засунул письмо вместе с непонятной штуковиной во внутренний карман куртки и повернулся к крестной.

Серафима следила за моими движениями быстро угасающим взором. Я снова склонился над ней, осторожно, стараясь не причинить ей боли, прижал к себе безвольно обвисшее в кресле тело. Яркое нарядное домашнее платье Серафимы сбоку насквозь пропиталось кровью, и бурая жидкость все продолжала вытекать, расплываясь по светлому паркету темным чудовищным спрутом.

– Ваня, когда прочитаешь письмо, не думай, что твоя мама была... не в себе. Все, что там написано – правда. И самое главное: ключи, – из горла женщины вырвался хриплый стон. – Запомни, главный ключ – это пирамида. Любая, важна лишь форма. И амулет...

Не понаслышке зная о страстном увлечении своей крестной – о, сколько лекций о пирамидах мне довелось от нее выслушать – я счел эти слова предсмертным бредом и испугался.

– Мальчик мой, не бойся, – заметив страх на моем лице, зашептала Серафима. – Ты пока этого не в силах принять, но в смерти нет ничего ужасного. Я готова и ухожу спокойно, – даже в такой момент эта чудесная женщина стремилась меня утешить.

Я никогда не видел смерть так близко. Меня мутило, но, находясь в каком-то странном трансе, я продолжал держать в объятиях тело Серафимы, укачивая, словно дитя, еще несколько минут после того, как оно безвольно обвисло в моих руках...

Пришел в себя я от резкого хлопка двери. Аккуратно уложив тело Серафимы в кресле, вышел в коридор, но там никого не было, только входная дверь чуть раскачивалась в проеме от сквозняка. Подойдя к стоящему на резной тумбочке телефону, я убедился, что он не работает. Пришлось позвонить в дверь напротив. Серафимина соседка – дородная тетка, похожая на продавщицу из советского гастронома, нелепо кокетничая и называя меня «милый юноша», позволила воспользоваться телефоном и с неприкрытым любопытством слушала, как я вызвал

скорую, потом милицию. Сухо поблагодарив нелепое создание в халате и бигуди, я вернулся в квартиру Серафимы. Заходить на кухню и видеть то, что осталось от моей доброй, веселой и жизнерадостной крестной, не хотелось. Я снял пыльные книги со стоящего неведь за чем в коридоре продавленного табурета, присел на краешек и так и просидел до приезда двух мрачных небритых мужиков в мятых халатах – бригады «скорой помощи». Те лишь угрюмо констатировали смерть и, дождавшись приезда милиции, убрались восвояси.

Появившийся вслед за усталыми милиционерами следователь с неприятной фамилией Петрищев сходу начал задавать мне вопросы, суть которых была совершенно очевидна даже мне: а не я ли убил свою крестную? Я машинально и неуверенно отвечал, чем вызвал еще большие подозрения. К счастью для меня, вскоре вернулся некто, называющийся «оперативник», допросивший ту самую любопытную соседку. Она, как я понял из разговора милиционеров, утверждала, что за несколько минут до моего прихода из квартиры Серафимы вышел, не таясь, крайне подозрительный мужчина в плаще с капюшоном. Я даже преисполнился благодарности к недавно вызывавшей у меня острую неприязнь любительнице всюду совать свой нос.

Петрищев бросил злобный взгляд в мою сторону. Видимо, в качестве подозреваемого я, присутствующий на месте преступления, нравился ему куда больше, чем некто с неопределенными приметами, удалившийся в неизвестном направлении. Проблема была лишь в орудии убийства, которого в квартире не нашли. Вероятно, это вдохновило следователя на тщательный обыск моей скромной персоны.

– Парень, не валяй дурака, давай, выкладывай все, что у тебя там есть в карманах интересного и не очень, – без особой, впрочем, надежды на желаемый результат потребовал он.

Мне не хотелось отдавать ему мамино письмо, и я мечтал, чтобы засунутый глубоко во внутренний карман конверт не нашли. Но, разумеется, вслед за бумажником, ключами от квартиры, студенческим билетом мои недавние трофеи – помятый конверт и предмет из шнурков и каменного диска – оказались в руках следователя. Непонятный то ли кулон, то ли амулет на фоне окружающего археологического хлама Петрищева не заинтересовал, а вот конверт он задержал в руках и без особого любопытства спросил:

– От кого письмо?

– От мамы, – чужим, незнакомым голосом ответил я, сглотнув ком в горле.

По-своему расценив мое волнение, он поднял брови, небрежно раскрыл конверт и вытащил несколько листков и небольшую черно-белую фотографию красивой белокурой молодой женщины. На лице его отразилось недоумение, затем в глазах мелькнуло понимание.

– От мамы, значит, – ухмыльнулся он, – да что ты стесняешься, дело-то молодое. – И, не читая, протянул мне бумаги. Увидев, как я судорожно схватил их и впился глазами в лицо на фотографии, еще раз насмешливо произнес:

– От мамы...

А я ничего не замечал вокруг, весь мир словно сконцентрировался на время для меня в этом небольшом квадратике плотной бумаги, откуда на меня смотрели ее глаза, глаза моей матери. И я словно наяву увидел ее улыбающееся лицо и протянутые ко мне руки. Мои смутные детские воспоминания вдруг всплыли все разом и слились в единый яркий образ, и еще не прочитав письма я уже знал, что ее нежные руки ласкали и баюкали меня в детстве, ее добрые губы дарили мне улыбки, ее ласковый голос пел мне колыбельные, ее мягкие объятия утешали меня, когда я плакал...

Как у всякого ребенка, выросшего без матери, ее образ в моем сознании был окружен сентиментальным и романтическим ореолом. Отец никогда со мной о ней не говорил, и я знал только, что она умерла в тот самый момент, когда я появился на свет. В детстве порой на грани бодрствования и сна мне казалось, что я вспоминаю ее теплые руки и нежный высокий голос, напевающий нехитрые мелодии колыбельных, вижу склоненное надо мной белеющее в темноте лицо, обреченное светлыми прядями. Позднее я решил, что это моя тоска по матери

принимает иногда такие причудливые формы, заставляя верить, что она где-то рядом. Было одно обстоятельство, очень огорчившее и вместе с тем заинтриговавшее меня, когда я подросток – у нас не было маминых фотографий. В старом, обитом потертым зеленым плюшем, альбоме хранились изображения многочисленных родственников по линии отца и его самого – с младенчества и по сей день, было множество фотокарточек, с которых на меня смотрели неизвестные женские лица, но ни одно из них не было ее лицом...

Когда мне было года два, я впервые задал вопрос, где моя мама. И мой отец ответил, что она умерла. Информация была лаконичной и абсолютно недостаточной для ребенка. В раннем детстве восприятие смерти совсем иное, чем когда мы вырастем – она вызывает скорее любопытство, чем страх. Почему вырванный с корнем цветок перестал расти и засох? Отчего птица лежит кверху лапами на земле и больше не взлетает? Как сосед, еще вчера шаркавший по двору своими безразмерными сандалиями, вдруг, по словам его жены, оказался на небе? Страх, боль, горечь смерти – это феномен нашей культуры. Древние люди, по словам Серафимы, в большинстве своем не боялись смерти. Они воспринимали ее, как переход между мирами, счастливый миг освобождения от земных лишений, возвращения на свою «небесную родину». Чувства, которые испытывали наши далекие предки, теряя близких, сродни тем, что вызывает у нас разлука с дорогим человеком, отправляющимся в долгое прекрасное путешествие. И в наши дни многие верят или надеются на возрождение умершего в ином мире, но для древних людей существование загробной жизни было столь же несомненным фактом, как земное бытие. Наши прародители могли общаться со своими умершими родственниками также просто, как и с живыми. Просто те, кто покинул земную юдоль, пребывали в иной форме, и никого это не печалило и не шокировало, а считалось достижением, радостью осуществления. Я не особенно верил словам Серафимы, учитывая, что свои заключения она делала, основываясь на «кучке костей и черепков» – практически ничего другого от столь отдаленных предков до нашего времени не сохранилось. Да и, честно говоря, не очень-то вникал в ее рассуждения о смерти. Наверное, об этом просто слишком страшно было размышлять. Еще в раннем детстве, когда я осознал пропасть полного, абсолютного небытия – атрибут материалистического представления о смерти – то испытал огромную горечь неполноты. Во мне поселился страх потери. У меня уже не было мамы – нигде. Я боялся, что однажды отец не вернется со своей опасной, как я догадывался, службы. О возможности собственного исчезновения я старался не думать вовсе – ледяной ужас сковывал мое сердце даже при мимолетном допущении этой мысли. И вот теперь, со смертью любимой крестной, на меня обрушился шквал вырвавшихся из темниц подсознания кошмаров...

– Эй, ты меня не слышишь, что ли? – голос Петрищева ворвался в мои грезы и вернул к ужасной реальности. – Я спрашиваю, не говорила ли твоя тетя чего перед смертью?

Пока я колебался, думая, что же ответить, вмешался полноватый мужчина, осматривающий тело Серафимы, должно быть судмедэксперт:

– Да чего она могла говорить? Одна глубокая колотая рана прямо напротив сердца. Она умерла, должно быть, мгновенно.

Я очень удивился, но промолчал, лишь кивнул под мрачным взглядом следователя. Петрищев стал спрашивать про родственников и знакомых Серафимы, но мне нечего было ответить. Я вдруг понял, что практически ничего не знаю об этой необычной женщине – кроме того, что она археолог, обожающий пирамиды, и некогда единственная близкая подружкой той, о которой я знаю еще меньше.

Наконец, у следователя закончились вопросы и мне разрешили выйти в коридор. Я все еще сжимал в руке конверт, фотографию и листки, исписанные мелким незнакомым почерком.

Я читал мамино письмо прямо там, в темной прихожей, не замечая толкущихся в квартире бесцеремонных милиционеров, заглядывающих в двери любопытных соседей и трущейся об мои джинсы осиротевшей Серафиминой кошки...

Мария, 1974 год

«Мой родной, мой любимый сынок! Я пишу эти строки, а ты спишь рядом в своей кровати, и свет лампы падает на твое лицо, самое дорогое на свете... Я даже представить не могу, что через несколько часов нам придется расстаться и, возможно, навсегда. Мне очень тяжело далось это решение, и я бы никогда не оставила тебя, если бы не знала, что это практически единственный способ спасти твою жизнь – жизнь, которую я дала тебе и которая для меня теперь драгоценнее собственной. Мне так много нужно тебе поведать, но времени слишком мало, и оно стремительно убегает, приближая час нашей разлуки...

Серафима, моя верная подруга, единственный человек, которому я могу доверить столь важную миссию, отдаст тебе это письмо, когда ты станешь достаточно взрослым, чтобы понять то, что я должна тебе рассказать. И сейчас я обращаюсь не к беззащитному ребенку, но к взрослому сильному мужчине, каким ты, я уверена, непременно станешь. Достаточно сильному, чтобы узнать и пережить непростую правду, которую мне предстоит тебе открыть. К сожалению, мой отъезд оказался слишком поспешным, и я не успею подробно обо всем поведать...

Начну с известия, которое, вероятно, причинит тебе боль, но иначе я не смогу ничего объяснить. Человек, с которым я оставляю тебя, тот, кто тебя вырастит и воспитает – не твой настоящий отец. Он был моим самым верным другом, и в одну жуткую ночь, ища защиты и спасения, загнанная, словно дикий зверь беспощадными охотниками, я пришла именно к нему. Он сделал для меня гораздо больше, чем я рассчитывала – не только предоставил мне убежище, чтобы я могла прийти в себя и собраться с силами, но и, рискуя своей карьерой, помог укрыться под новым именем. Кроме того, он, не раздумывая, согласился, женившись на мне, дать свое имя моему ребенку, который должен был вот-вот родиться – то есть тебе. Я прожила с ним самый счастливый и спокойный год в своей жизни, за что ему безмерно благодарна. Но теперь, когда я исчезну без всяких объяснений, оставив ему годовалого сына, он, вероятно, сочтет этот поступок ужасным и не сможет простить. Однако посвящать его в мою тайну куда более опасно, и лишь потому я так поступаю. Не знаю, что расскажет он тебе обо мне, твоей матери, когда ты подрастешь. Не будешь ли ты ненавидеть меня, бросившую тебя ребенком?

О, как бы я хотела взять тебя с собой! Но заставить моего прекрасного малыша разделить те тяготы и опасности, которые, несомненно, еще выпадут на мою долю, я не могу. Я оставляю тебя с самым надежным и порядочным человеком, который, я уверена, будет тебе хорошим отцом.

Прежде чем говорить о твоём настоящем отце, я должна поведать тебе самую невероятную, самую неправдоподобную, самую жуткую тайну этого мира. Она настолько не согласуется с тем, что мы привыкли считать истинным, к какой бы вере ни принадлежали, что мне трудно подобрать слова...»

Иван, 1993 год

Я читал строчки, написанные рукой моей мамы, и по моему превратившемуся в застывшую маску лицу текли ручьями невидимые слезы. Постепенно сквозь сумбурные грезы и захлестнувшую меня нежность стали проступать и другие мысли.

Отец. Тот, кого я с детства привык называть этим словом. Почему теперь, когда я стал взрослым, он не открыл мне правды о моем рождении? Или скрытность действительно стала его второй натурой? Вот почему он всегда настороженно относился к нашим встречам с Серафимой – боялся, что она меня посвятит во все непростые тайны прошлого. Впрочем, что именно она могла бы мне поведать, я теперь не узнаю никогда.

В жизни крестной вообще было много тайн. Я никогда не видел ее с мужчиной. Несмотря на яркость нарядов и привлекательную внешность, вела она жизнь скромную и простую. Значительную часть времени Серафима проводила в археологических экспедициях, и по приезде ее дом наполнялся чудесным, волнующим запахом древности – его источала не только скопившаяся за время отсутствия хозяйки пыль, но и многочисленные привезенные с раскопок коробки с находками, которые я шутливо именовал «черепками». Иногда она давала мне поддержать каменный топорик или наконечник стрелы, и меня неизменно охватывало волнующее ощущение времени, плотной, почти осязаемой завесой стоящего между мною и тем, кто кропотливо изготовил сей предмет.

Крестная жила в девятиэтажном доме сталинской постройки, в просторной квартире с высокими потолками и длинным узким коридором, куда выходили двери нескольких доверху набитых книгами и различным археологическим хламом комнат. В то время было удивительно, что она, живя в одиночестве, могла иметь такую большую жилплощадь. Я однажды спросил Серафиму об этом, на что она лишь засмеялась и махнула рукой:

– Большие люди – большие возможности.

– Этот «большой человек», случайно, не мой отец? – озаренный внезапной догадкой спросил я.

– Ни слова о драконах, – озорно подмигнула Серафима, и на этом разговор был окончен. Я так никогда и не узнал, связывало ли что-либо крестную с отцом, и какого рода была эта связь.

Я вспомнил, как всего пару часов назад, поднимаясь по лестнице и еще не зная, что меня ждет, я ощутил знакомый «аромат древности» и мимолетно удивился тому, что запах просочился так далеко за пределы Серафиминого жилища. Впрочем, удивляться было нечему: через минуту я увидел, что дверь в квартиру крестной распахнута настежь. Я подумал тогда, что вот сейчас она встретит меня на пороге, и уже предвкушал, как угожу в ее теплые душистые объятия. Но возле открытой двери ее не было, как не было и в темном, захламенном всякой всячиной и заставленном старой мебелью коридоре. Я заглянул в приоткрытую дверь комнаты, служившей Серафиме кабинетом, окинув взглядом старинный резной шкаф и огромный стол в центре комнаты, как водится, заваленный бумагами, но там тоже никого не оказалось. Тогда, не разуваясь, я прошел дальше, на кухню, и сердце мое уже сжималось от ощущения беды...

Меня выдернул из болезненных воспоминаний и вернул к реальности резкий голос:

– Что здесь происходит?

В дверях стоял молодой мужчина в штатской одежде, но его принадлежность к «органам» не оставляла никаких сомнений. Обведя взглядом всех присутствующих и безошибочно остановив взгляд на Петрищеве, он сунул ему под нос свое удостоверение и жестом увлек в соседнюю комнату, плотно затворив дверь. Через несколько минут оба вновь вышли в коридор, при этом агент спецслужб выглядел слегка потрясенным, а Петрищев – изрядно подавленным.

Мучительно тянувшееся дознание благодаря появлению нового действующего лица завершилось с головокружительной быстротой. При помощи одного только гневного взгляда он очистил лестничную клетку от любопытствующей публики, кратко с кем-то переговорил по телефону и приказал Петрищеву прекратить осмотр и опечатать место преступления.

– Тело мы забираем. И дело тоже, – без тени улыбки скаламбурил агент.

– А этого задержать? – хмуро кивнул в мою сторону Петрищев.

– Мы сами разберемся.

Мужчина цепко ухватил меня за локоть и повел за собой из квартиры. Не могу сказать, что я очень обрадовался такому повороту событий.

В это время двое угрюмых мужчин выносили тело Серафимы. Из-под серовой простыни, прикрывавшей носилки, были видны концы рыжих прядей. Сидевшая возле моих ног кошка, имени которой я не смог вспомнить, вдруг издала такой громкий и жалобный звук, что один из санитаров едва не уронил носилки. Тут вмешался деловитый Петрищев:

– Уберите животное. Квартира будет опечатана.

– Кошку тоже что ли опечатывать? – с намеком на мрачный юмор спросил один из милиционеров.

Мне пришлось оторваться от своих смятенных мыслей, вывернуться из рук агента и срочно заняться судьбой Серафиминой кошки. Впрочем, это оказалось не так сложно – бедное животное согласилась приютить соседка, у которой кошка и так проводила больше времени, чем у своей вечно разъезжающей по раскопкам хозяйки.

Глядя, как милиционеры опечатывают такую знакомую дверь в мелких трещинках и струпах шелушащейся краски, я со всей очевидностью осознал, что уже никогда не войду в этот дорогой для меня, теплый и уютный дом. Серафимы больше нет. Но теперь есть тайна, с которой я совершенно не знаю, что делать. И реальный, осязаемый, пронзающий тело до самых костей страх, что теперь я причастен к чему-то более невероятному и ужасному, чем сюжеты моих любимых фантастических рассказов. Готовясь к мрачному продолжению событий, я был очень удивлен, когда на улице строгий конвоир выпустил мой локоть, вежливо мне улыбнулся и почти человеческим голосом произнес:

– Ступай домой, парень. Досталось тебе сегодня.

Не в силах ответить, я молча кивнул.

Серафима, 1993 год

– Боги действительно и ныне существуют? – спросила Серафима своего будущего убийцу. Последовал лаконичный кивок.

– Они физически бессмертны? Как это возможно?

В глазах Нефилима засияли искорки интереса.

– Странно, что на пороге смерти тебя больше всего волнует возможность чужого бессмертия, – недоуменно приподнял брови он.

– Не совсем так, – улыбнулась Серафима. – Я безоговорочно верю в духовное бессмертие. Но мне кажется, что, наделив человека физическим телом, сама Природа, сам Бог назначил ему быть смертным в этом мире. Я не права?

– И да, и нет, – покачал головой Нефилим. – Ошибка в том, что ты считаешь человека частью мира Природы, хотя, как историк, должна бы понимать, что еще в дохристианской древности люди знали о своей исключительности, отдельности от остальной физической Вселенной. Тело – лишь его представление в ней. Ученые напрасно считают аллегорией или ошибкой указанную в Ветхом Завете продолжительность жизни первых людей – до 900 лет.

– Ты хочешь сказать, человеческое тело действительно способно жить так долго? – Серафима не скрывала изумления.

– Человеческое тело способно жить сколь угодно долго. Но для этого нужны особые силы, исключительные способности.

– То есть они могут перекодировать механизм старения, заложенный в ДНК?

Нефилим сделал отрицательный жест.

– Санктус игнис? – догадалась Серафима. И по улыбке собеседника поняла, что права.

– Но как? – допытывалась она.

– Я читал твои статьи о шумерском понятии МЕ¹¹ – божественной силы, проявляющей все в этом мире, и по сей день остающейся за гранью восприятия большинства ученых. Но ты все правильно изложила, не сделав только один, последний шаг. Мир МЕ – это и есть пространство Санктус игнис – Священного огня, где формируются мысли, воспоминания, сны. Все, что проявляется в нашей реальности, сперва зарождается там. Но мы – не хозяева в том мире, мы не можем сознательно и целенаправленно создавать или изменять МЕ. А боги могут. Они не только наделили себя бессмертием, но и ограничили продолжительность жизни людей порогом в 120 лет¹².

– Зачем?

– Шутишь? – усмехнулся Нефилим. – Разве мне, простому смертному, как и ты, возможно понять мотивы и замыслы богов?

– Но ведь ты мог бы стать таким, как они? Воспользоваться тем, что охраняешь? – с любопытством спросила Серафима. – Или твое чувство долга выше страха смерти?

– Дело не только в чувстве долга. Человеческое тело, и прежде всего, мозг, не готово для работы с более высоким планом бытия. Древняя раса существовала значительно дольше, чем человечество. Их тело и мозг прошли огромный эволюционный путь, причем направленный совсем в иную сторону, чем у нас. Они работали не над созданием физического комфорта, а над развитием своего духовного и творческого начала в мире материи. И все же прошли

¹¹ МЕ (от глагола являться, проявляться) – одно из наиболее трудных для определения понятий шумерской культуры, точный смысл которого до сих пор не установлен. В шумерских текстах этим словом обозначались таинственные и могущественные силы, управляющие ходом развития мира, всеми божественными и земными проявлениями.

¹² В Ветхом Завете есть упоминание о том, как продолжительность жизни людей была искусственно ограничена Богом: «...не вечно Духу моему быть пренебрегаемым человеками... потому что они плоть; пусть будут дни их сто двадцать лет» (Быт 6, 3).

сотни тысяч лет, прежде чем они смогли настолько расширить свое земное сознание, чтобы удерживать в нем другие измерения.

– То есть бессмертие людям не светит?

– Возможно, ученые найдут технический способ обойти все физические механизмы старения. Не исключено даже, что они уже это сделали, и среди людей есть несколько таких бессмертных. Но данная технология никогда не станет доступной широким массам, ты же понимаешь. Человечеству и так грозит проблема перенаселения. С обретением бессмертия хотя бы некоторой частью людей разразится катастрофа. Самое интересное, что нам это все вообще не нужно. Природа дала человеку куда более чудесный механизм – перерождение. Рождаясь в новом теле, мы можем обрести новый уникальный опыт.

– Но в большинстве своем мы не помним о прежних жизнях, и каждый раз начинаем сначала. Может, это боги стирают нам память?

– Этого я не знаю, – покачал головой Нефилим. – Все, что касается деятельности богов, покрыто мраком тайны даже для нас.

Серафима жадно ловила слова собеседника, забыв о предстоящем испытании, забыв обо всем на свете, кроме возможности получить, наконец, ответы на вопросы, мучившие людей на протяжении сотен поколений.

– А Бог? – решила она, наконец, задать главный вопрос. – Если всем управляют *эти*, то как же Создатель?

– Ты немного поспешила с вопросом, – рассмеялся убийца. – Совсем скоро ты сможешь задать свой вопрос непосредственно Ему. Прости, дорогая, но уже пора.

Серафима покорно отвела глаза в сторону и Нефилим, словно выпущенный из сетей ее взгляда, шагнул вперед. В его руке блеснуло странное волнообразное лезвие кинжала...

Александр, 1993 год

Он страшно боялся, что следующей жертвой после Серафимы станет его сын. Мальчик, которого Александр вырастил. Тот, что постоянно напоминал ему о женщине, которую он любил больше жизни и потерял много лет назад. Боль утраты с годами не становилась слабее, она просто стала привычной, не замечаемой, но постоянно ноющей раной в груди, в самой сокровенной точке тела. Там, где мощными толчками удивительного живого двигателя пульсировала кровь.

Он получил подтверждение тому, что кинжал существует не в единственном экземпляре. Причудливые раны в теле Серафимы, по мнению эксперта-патологоанатома, даже при поверхностном осмотре были похожи на те, что наносились подобным оружием. Это не мог быть тот же самый кинжал, поскольку Серафима была убита позже, чем лейтенант, из тела которого изъяли нож. Узнав об этом, Александр тут же позвонил Самуилу Федоровичу в лабораторию, надеясь услышать заверения в том, что привезенный им артефакт в целостности и сохранности.

– Но это единственная хорошая новость, – устало проговорил эксперт. – Я не могу больше ничего определенного сказать об этом оружии, хотя провел с ним тет-а-тет уже много часов.

– И что это означает? – слегка раздраженно спросил Александр. – Тебе нужно больше времени?

– Боюсь, что время ничего не изменит. Мы с самого начала предполагали, что оружие весьма необычно. Я много лет мечтал его исследовать. И вот оно предо мной, а я – увы – бессилен.

В голосе пожилого эксперта слышались такая горечь и разочарование, что Александр не решился на него давить, требуя результатов. Он знал, что старик и сам делает все, что возможно.

– Ну хоть что-то удалось установить? Хотя бы возраст оружия? – только и спросил он.

– С возрастом как раз вообще ерунда получается. Сразу видно, что по стилю работы изделие не соответствует ни одной исторической эпохе. Я полагал, что состав сплава что-нибудь подскажет. Но такое процентное соотношение металлов вообще нехарактерно. Анализ патины говорит лишь о том, что кинжал древний. Я бы сказал, очень древний. Буду работать дальше, но не рассчитывайте на многое.

– А почему такая странная форма лезвия? В это есть какой-то смысл?

– И здесь я ничего конкретного не скажу. Могу лишь предположить, что техника владения этим оружием тоже весьма особая, подразумевающая некоторые специфические знания о человеческом теле. Клинок не втыкается, а как бы слегка вкручивается в плоть в строго определенных точках, в зависимости от желаемых целей. Таким способом можно, например, причинять невыносимую боль, не создавая, однако серьезной угрозы для жизни. Или мгновенно лишить человека способности двигаться.

– Я никогда не слышал, чтобы так использовали холодное оружие, – усомнился полковник.

– Это ты верно заметил. Практически во всех боевых искусствах, особенно древних, существуют различные приемы, предназначенные для определенных целей, ведь противника далеко не всегда нужно убить, нередко он должен оставаться живым для получения информации или по иным причинам. Но, как правило, точные удары в определенную область наносятся рукой или ногой. Холодное оружие имеет слишком травмирующее воздействие. Я полагаю, что таким кинжалом нужно нанести невероятно точный удар, чтобы добиться нужного эффекта.

– А ты не мог бы, изучив раны на теле, определить, используют ли кинжал просто как оружие убийства, или имеет место применение такой техники?

– Я, конечно, попробую. Хотя... Знаешь, я и так скажу, что те, кто используют эти орудия, весьма искусные ребята.

– На основании чего?

– Да на основании всего! Всего, что мы о них знаем. Это же не какая-то там шпана и даже не наемные убийцы. Ты же сам говорил, это целая организация. Они убивают с непонятными нам целями, но убивают много. Ран на теле нередко больше одной, ведь так? Они же не дилетанты, тыкающие ножиком, как придется. Профессионал убивает с одного удара. А раз рана не одна – значит, убийца добивался чего-то еще.

– Согласен, звучит убедительно. Но ты все же вместе с патологоанатомом изучи расположение и глубину ран во всех известных нам случаях. Может, что интересное в голову придет.

– Хорошо, Александр. Будет сделано.

– А что там с рисунком? Удалось его восстановить?

– Удалось, а как же.

– И что там? Может, мне стоит подойти посмотреть?

– Я сейчас пришлю вам лаборанта с фотографиями. Но, в общем, это – огневик, разновидность свастики.

– Нацистский символ?

– Ну почему нацистский? Слово «свастика» происходит от санскритского *свасти*, означающего добрую жизнь, благополучие. Предполагается, что изначально так выглядел символ солнца и четырех времен года. Но у этого знака есть множество духовных и философских значений. Например, закрученный по часовой стрелке он символизирует мужскую энергию, против часовой – женскую. В буддизме он называется «печатью сердца», в индуизме связывается с культом бога Агни. В раннем христианстве этот знак был известен как гаммированный крест, гаммадион.

– То есть он часто встречается?

– Часто? Не то слово! Видите ли, огневик – один из наиболее древних, если не самый древний символ, созданный человеком. Подобные рисунки найдены на предметах, относящихся к эпохе палеолита¹³. И знаете, что примечательно? Этот рисунок встречается практически во всех культурах, на всех континентах. Таким узором украшали гончарные изделия, культовые предметы, стены храмов, одежду священнослужителей, надгробия, монеты, гербы. Ну и оружие, конечно.

– Хорошо, я понял. Значит, ничего особенного в нем нет.

– Я бы так не сказал, – задумчиво проговорил эксперт, – в любое творение, особенно такое искусное, как этот кинжал, мастер вкладывает определенное значение. Здесь змей обвивается вокруг диска с огневином, он оцетинился, он явно его охраняет. Как называют себя эти сектанты-убийцы?

В «конторе»¹⁴ члены загадочного братства издавна получили прозвище «Василиски»¹⁵. Но пару месяцев назад агенты КГБ выследили одного из них, и полковник лично присутствовал при его аресте. Исход операции оказался страшным и предсказуемым: в тот момент, когда его сотрудники приблизились к подозреваемому, тот вдруг вытянулся в струну, как будто его тело сжала неведомая сила, а затем вспыхнул, превратившись в огромный факел. Охваченный пламенем, он прокричал: «Во имя Санктус игнис, я Нефилим, исполнил свою клятву». Тогда впервые полковник услышал это слово.

– Нефилимы, – неохотно ответил он эксперту.

¹³ Палеолит — первый исторический период каменного века с начала использования каменных орудий гоминидами, начавшийся около 2,5 млн. лет назад.

¹⁴ «Контора» – распространенное в советские годы неофициальное название КГБ.

¹⁵ Василиск – мифическое животное, способное убивать своим взглядом.

– Насколько я помню, нефилимы – потомки падших Ангелов-Стражей, – не заметив перемену в настроении собеседника, продолжил свои умственные упражнения Самуил Федорович. – Из этого следуют сразу два предположения. Первое: оружие сделано специально для них, а учитывая его древность... Далее сам продолжишь. Второе: у нас есть некий намек на то, какую реликвию они охраняют.

– Солнце? Сердце Будды? – с иронией спросил Александр, не желая, чтобы проницательный эксперт догадался: он знает, что охраняют «Василиски»-Нефилимы.

– Скажем так – пища для размышлений у нас есть.

Полковник счел за лучшее закончить разговор, дабы Самуил Федорович не продолжил свои мысли на эту тему.

– И следи за артефактом, глаз с него не спускай, – напомнил он напоследок.

– Не спущу, не волнуйся, – по тону голоса чувствовалось, что эксперту, невзирая на усталость, не терпится вернуться к работе.

Александр был уверен, что Самуилыч в ближайшие дни есть-спать не будет, но постарается узнать все, что только можно о странном кинжале. Еще более странном, чем недавно предполагал Александр. Полковник раньше думал, что Нефилимы просто применяют старинное оружие в ритуальных убийствах. Но кинжалы оказались уникальными, видимо, созданными специально для них, причем в глубокой древности. Означает ли это, что Нефилимы существуют испокон веков? А необычное лезвие и использование определенной, неизвестной даже самому лучшему эксперту по холодному оружию, техники? Все это подтверждало мнение полковника о том, что они имеют дело с очень древней и тайной организацией, обладающей особыми знаниями и возможностями.

Александр охотился на «Василисков» уже почти два десятка лет, и за эти годы, надо признаться, значительно продвинулся в понимании того, кто они такие и каковы их цели, но не спешил делиться своими знаниями с коллегами.

Шагая прочь из лаборатории, полковник мысленно погрузился в прошлое. Некогда «Василисков» сочли небольшой сектой, предположительно, религиозного толка, совершающей убийства-жертвоприношения во славу Сатаны, древнего божества, или во что они там верят? И именно с ними оказалось связанным первое серьезное дело, к которому был приставлен молодой сотрудник КГБ лейтенант Снежневский. Тогда он служил в «пятке», недавно созданном Пятом главном управлении КГБ, в чье поле зрения попадали все преступления по религиозными мотивам и деятельность сект.

Был убит председатель райкома партии – заколот прямо у себя в кабинете. Этот чиновник был ярким борцом с религией и постоянно устраивал «охоту на ведьм» в своем районе. Неожиданно вернувшаяся секретарша сумела запереть убийцу в кабинете и вызвать милицию. Но странный человек в черном плаще на глазах у изумленных милиционеров вспыхнул ярким факелом и за считанные минуты сгорел почти дотла. Рядом с телом был найден старинный кинжал – тогда-то Александр и увидел его впервые. Ночью орудие убийства непостижимым образом исчезло из запертой криминалистической лаборатории.

За прошедшие с той поры двадцать лет Снежневский стал в КГБ признанным экспертом во всем, что касалось «Василисков». В последнее время, благодаря компьютерному оснащению органов МВД, появилась возможность идентифицировать и собрать часть дел об убийствах, совершенных этими сектантами. И при первом же анализе данных масштаб и размах организации поразил воображение – загадочные смерти от необычной формы острого клинка констатировались по всей стране и, вероятно, за ее пределами. Ни одно дело не было раскрыто. Часть убийств по обыкновению, конечно, «повесили» на подходящих пойманных преступников, но при внимательном изучении дел несоответствия сразу бросались в глаза. Василиски крайне редко попадали в руки властей. И еще реже от них удавалось узнать что-либо стоящее.

В толстой папке в его кабинете хранились протоколы, во всех подробностях описывающие еще десяток случаев самовозгорания подозреваемых.

Но этим странности «Василисков» не исчерпывались. Все или, как минимум, часть из них обладали мощной способностью к гипнотическому воздействию. Александр уже давно перестал считать их банальными религиозными фанатиками. Он полагал, что это великолепно структурированная организация, и профессиональные убийцы составляли лишь нижнюю часть ее иерархии. Что там, наверху – оставалось только догадываться. Но в прежнее время убедить руководство в необычных способностях сектантов было невозможно. В КГБ, как и во всей стране, властвовала идеология материализма, и на все явления, не вписывающиеся в данную концепцию, был один ответ: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда»¹⁶.

Полковник не мог признаться самому себе, что одно упоминание «Василисков», или, как они сами себя именовали, Нефилимов порождает в нем чувство страха – глубокое, безотчетное и необъяснимое. По степени фанатичности, жестокости и отсутствия эмоций этих сектантов сравнивали с исламскими экстремистами, но последние никогда не вызывали у Александра столь нетипичной для бывшего агента спецслужб реакции. Кроме вышеупомянутых, не совместимых с гуманностью, но присущих людям в том или ином сочетании и размахе качеств, было в Нефилимах что-то нечеловеческое, словно имеющее иную природу. Полковник подозревал, что именно так все и обстояло на самом деле – все, что так или иначе было связано с Санктус игнис, казалось настолько невероятным, неправдоподобным, фантастичным, будто принадлежало другой реальности. Не той, на которую распространялись практически безграничные возможности структуры, к коей Александр себя причислял, а той, о которой ни он, ни сама «контора» практически ничего не знали. Хуже того, Александр подозревал, что Нефилимы – лишь часть этой ирреальной картины, ведь были еще и так называемые боги, о которых вообще ничего неизвестно.

¹⁶ Широко известная фраза из рассказа А.П. Чехова «Письмо к ученому соседу».

Алим, 1986 год

Алим целый день разрывался между своей палаткой, в которой был аккуратно разложен загадочный длинноголовый скелет и раскопом, где ребята с неизменным оптимизмом просеивали землю вокруг вчерашней находки. Параллельно он обдумывал тезисы своего отчета в Академию наук. Как убедить этих «кабинетных жителей», никогда не бравших в руки лопату, выделить средства на полноценную экспедицию и продолжить раскопки? Профессор готов был поклясться в том, что здесь ученых ждут открытия поистине удивительные. Как, впрочем, и в том, что в академической среде эти открытия никому не нужны. Он уже не раз сталкивался с тем, что некоторые археологические находки совершенно не вписываются в общепринятую версию истории человеческой расы. Широкой общественности известны лишь наиболее шумевшие из них, такие как, например, каменные диски Баян-Хара-Ула¹⁷, объявленные несуществующими или камни Ики¹⁸, признанные фальсификатом. Но на самом деле древних объектов, указывающих на существование высоких технологий в периоды, которые ученые именуют доисторическими, как минимум тысячи. Образовался даже такой красноречивый термин – «неуместный артефакт», обозначающий отношение научной общественности к подобным археологическим находкам. Вообще-то, девиз: «пока сам не увижу – не поверю» не так уж плох для ученого, проблема в том, что некоторые из них часто не хотят верить даже в то, что видят. Алимину даже страшно было представить, сколько открытий было спрятано, забыто и даже уничтожено, дабы не всколыхнуть гладкую, выверенную многочисленными научными трудами и диссертациями картину прошлого. Профессор понимал, что оказался в непростой ситуации.

Его размышления прервали звуки, которых он весь день подспудно желал и боялся – снова гомонили его студенты. На этот раз ни о какой неторопливости не могло быть и речи – отбросив свою степенность, Алим, как мальчишка понесся в сторону нового раскопа. Кто-то из ребят уже снял футболку и, размахивая ею над головой, как флагом, криками подгонял учителя.

Через час совместными усилиями из древнего пласта глины был извлечен странный предмет в форме молотка, украшенный местами хорошо сохранившимся изящным, явно рукотворным рисунком. И если бы только это! Часть окаменелости была отбита, и на сколе отчетливо просматривались тонкие бороздки, диски, спирали и втулки, поразительно напоминая внутренности какого-то технического устройства. Алим был уверен, что под слоем кальцита обнаружатся частицы металла.

Профессор аккуратно поместил новую находку в отдельный контейнер, которым служила высланная мягкой тканью обувная коробка. При этом он тщательно старался скрыть от своих студентов дрожь в руках, а в голове его вертелась только одна мысль: что бы такое с этим безобразием сделать побезобиднее? Он с первобытным ужасом ждал шквала вопросов, которые неизбежно рождаются в умах его студентов. Но ребята молчали, видимо, до глубины души потрясенные как своей находкой, так и очевидным волнением профессора.

– Это то, что мы думаем? – наконец, осторожно спросил Петя.

¹⁷ В 1937 году в горах на границе Тибета с Китаем были найдены 716 странных каменных дисков с отверстиями в центре, напоминающих грампластинки. По спирали к их внешнему краю тянулась двойная бороздка – самая необычная форма письма, найденная на планете. Институт археологии Академии наук КНР, несмотря на существующие фотографии артефактов и свидетельства европейских ученых, видевших их воочию, объявили, что ничего подобного на территории Китая никогда не было найдено.

¹⁸ В настоящее время известно более 50 тысяч экземпляров камней с удивительными рисунками, собранных в окрестностях перуанского города Ика. На всех камнях вырезаны сюжеты, зачастую ставящие ученых в тупик: например, в них люди соседствуют с доисторическими ящерами. Определить реальный возраст камней невозможно, поскольку на них отсутствуют органические соединения.

– А что вы думаете? – против собственной воли заинтересовался Алим, не сомневаясь, что еще до его прихода необычный артефакт был ребятами обсужден со всех сторон.

– Ну это точно не каменный топор, – пошутил кто-то.

– Больше всего похоже на... черт, на какой-то прибор или оружие – что-то в этом роде.

– Может, просто культовый предмет? – неуверенно проговорила Аня.

Алим тут же изменил свое мнение о девушке – похоже, в научной среде ей все же найдется место.

– Будем исходить из этого предположения, – авторитетно согласился он, ожидая, впрочем, что дерзкий Петя тут же оспорит идиотскую гипотезу. Но тот молчал, и профессор, найдя глазами студента, перехватил его нежный взгляд в сторону пунцовой от смущения Анечки. Вот оно в чем дело, подумал Алим с непонятной тоской.

– Но профессор, это же фигня, – раздался, наконец, чей-то голос.

– Фигня – не фигня, но придется придерживаться этой версии, – строго оборвал Алим.

– Почему придется? Чепуха какая-то! Это же сенсация!

Пока Алим подбирал слова, чтобы попытаться объяснить студентам в нескольких фразах устройство цивилизации целиком и мира науки в частности, необычно посерьезневший Петя сделал это за него, резко оборвав своих товарищей:

– Вы что, не понимаете? Длинноголовые люди с неизвестной продвинутой техникой в слое многотысячелетней давности никому в научном мире не нужны. Хотите работать в этой области – принимайте правила игры!

Профессор молча кивнул: при всей своей многоопытности он не смог бы сформулировать лучше. Ребята замолчали, пытаясь осознать эту мысль и то, что она означает для их будущего.

– Но между собой-то мы это можем обсудить? – спросил, наконец, кто-то.

– Вы можете фантазировать сколько угодно, – улыбнулся профессор. – Но к науке это уже не имеет отношения.

– Ну хорошо, а как они это объяснят? – намекая на академические круги, спросил кто-то.

И снова профессору не пришлось отвечать. Петя, к которому вернулась его обычная шутилая манера изложения мыслей, очень уместно вспомнил известный археологический анекдот:

– Ученый нашел древний продолговатый предмет в раскопе, через переводчика спрашивает туземного старца: знаешь, что это за фигня? Местный мудрец одним всем известным словом выражает свое отношение к происходящему. Переводчик машинально переводит. Ученый в экстазе записывает: «находка символизирует фаллос».

Дружный взрыв хохота положил конец дискуссии. Студенты потянулись к уже разожеженному чьими-то заботливыми руками костру, кто-то принес гитару – и последний вечер экспедиции завершился точно так же, как и все подобные вечера. Молодость, молодость, грустно думал профессор. Несмотря на все потрясения последних дней – и удивительные находки, и невозможность их обнародовать на весь мир, ребята мгновенно погрузились в привычную атмосферу веселья и жизнерадостности. Сейчас они будут петь до хрипоты бардовские песни, потом разбредутся парочками по кустам, а наутро, как ни в чем не бывало, подхватят рюкзаки, мечтая не о великих открытиях и мировой славе, а о горячей ванне и домашних пирогах. В их памяти это редчайшее событие, выпадающее на долю ученого, останется волнующим воспоминанием о приключении, которое они какое-то время будут шепотом расписывать своим сокурсникам. А потом постепенно забудут, с головой погрузившись в учебники, где все написано *правильно*.

Глава вторая Точка невозврата

*Увидел он все до пределов вселенной,
Все испытал и познал,
Взором проник в глубочайшие тайны,
С сокровеннейшей мудрости поднял покров...
Весть нам принес о веках допотопных;
Путь далекий прошел он, скорбя и трудясь
И повесть о том начертал на скрижалях...
На две трети он — бог, на одну — человек.
Эпос о Гильгамеше*

Александр, 1971 год

Держа в руках запакованный в полиэтиленовый пакет старинный кинжал, лейтенант КГБ Александр Снежневский с любопытством разглядывал необычное орудие убийства. Следователь решил, что преступник воспользовался тем, что подвернулось под руку, но молодой служащий госбезопасности, уже однажды видевший подобное оружие, был уверен, что тот ошибается.

– Антиквариат, наверное, от бабки достался, – презрительно прокомментировал следак, – не оружие, а так, сувенир, и лезвие какое-то дурацкое, таким, поди, и убить-то еще надо постараться. Не пойму, чем это дело заинтересовало нашу госбезопасность? Обычный чокнутый напал с антикварным ножиком на прохожего, а когда его попытались задержать – облился чем-то и поджег себя.

Если бы Александр не сталкивался раньше с похожим сценарием убийства, то и тогда не согласился бы со старым брюзгливым следователем, мечтавшим лишь о том, чтобы поскорее скинуть это, раскрытое, по его мнению, дело в архив.

Все здесь было неясно – мотив, происхождение кинжала, страшный способ самоубийства, выбранный преступником. Сдав отчет, лейтенант по собственной инициативе отправился в Старосадский переулок, где удостоверение сотрудника КГБ открыло ему быстрый доступ ко всем сокровищам Государственной исторической библиотеки. Все выходные он просидел над книгами и старыми газетами, отыскивая и систематизируя сведения о необычном оружии и случаях самосожжения людей.

Он обнаружил, что еще в 1763 году француз Жан Дюпон опубликовал книгу с коллекцией случаев человеческого самовозгорания¹⁹. С тех пор накопились сотни описаний подобных фактов – от подробно задокументированных самоубийств при помощи огня до загадочных историй спонтанного вспыхивания плоти.

С орудием убийства дело обстояло несколько хуже. Изучив доступные труды, посвященные холодному оружию, Александр убедился, что в них нет ничего, даже отдаленно напоминающего загадочный кинжал. Тщательно рассмотрев изображения орудий – от костяных ножей эпохи палеолита до современных боевых армейских клинков, – он не нашел ни подобной формы лезвия, ни похожего оформления ручки.

Сам кинжал остался в вещдоках у следователя, но после отчета лейтенанта, где сделан упор на странных особенностях оружия, в КГБ наверняка примут решение его изъять. Александр надеялся, что у него будет возможность повнимательнее рассмотреть кинжал, зарисовать его или даже сфотографировать.

Увлеченный своими изысканиями, он не сразу обратил внимание на девушку, устроившуюся за соседним столом читального зала с солидной стопкой книг. Но когда Александр погрузился в размышления, его уставший от разглядывания нечетких иллюстраций взгляд скользнул по залу и остановился именно на ней. Девушка была не из тех, кто приковывает к себе взоры окружающих, хотя, несомненно, заслуживала внимания. Ее красота была неяркой, мягкой и нежной, немного иконописной. Светлые, чуть выющиеся волосы изящно обрамляли лицо, глаза опущены в книгу, поэтому невозможно определить их цвет, но Александр был уверен, что они серые. Не голубые, как у лубочных красавиц, не зеленые, как у игривых кокеток. А глубокого серого цвета, светящегося изнутри – такой оттенок имеет затянутое облаками вечернее небо перед тем, как его прорежет луч уходящего за горизонт солнца. Одета девушка была неброско и очень просто – в легкую кофточку и длинную серую юбку. Никаких украшений, только тонкую шею обвивает истертый кожаный шнурок, исчезающий в скромном вырезе

¹⁹ Jonas Dupont «De Incendiis Corporis Humani Spontaneis», 1763.

блузки. Точеные черты девушки напомнили Александру лик Богородицы кисти Виктора Васнецова, виденный им во Владимирском соборе в Киеве. Живая, прекрасная и недоступная – вот как она выглядела.

Александр поймал себя на том, что беззастенчиво, практически в упор разглядывает незнакомку, к счастью, полностью погруженную в какую-то ветхую на вид, очевидно, очень старую книгу. С усилием заставив себя отвести взгляд, лейтенант постарался вернуться к своим поискам, но понял, что уже не может работать с полной самоотдачей, да и не просмотренной литературы практически не осталось. Он собрал книги, отнес их библиотекарю и, вернувшись за своим потертым кожаным портфелем, услышал рядом тихий голос:

– Извините, вы мне не поможете?

Александр повернулся – незнакомка тоже складывала книги в стопку, причем ноша получалась ей явно не по силам. Он пробежал взглядом по корешкам – сплошная историческая литература, что, учитывая профиль библиотеки, вовсе не удивительно.

– Вы студентка? – с видом человека, пытающегося из вежливости завести светскую беседу, поинтересовался он.

– Нет, я уже закончила университет, работаю в Археологическом институте, – просто-душно, без тени высокомерия, свойственного научным работникам, ответила девушка.

– У вас в институте недостаточно книг? – Александр с иронией кивнул на внушительную стопку фолиантов.

– История – не просто моя профессия, – не приняв насмешливого тона, серьезно проговорила она. – В прошлом человечества есть все события, какие только можно вообразить и ответы на все вопросы, какие только можно придумать.

– Да? А я вот не нашел ответ на свой вопрос, – посетовал лейтенант.

– Это не значит, что ответа не существует, – парировала незнакомка. И участливо предложила:

– Может быть, я бы смогла вам помочь? Я хорошо ориентируюсь в самых разных исторических источниках.

Александр был готов на многое, чтобы провести побольше времени с этой девушкой, но раскрыть ей предмет своих изысканий не мог – все, что касалось его службы, не подлежало разглашению. Вежливо поблагодарив, он помог девушке отнести книги. Они вместе спустились по широкой мраморной лестнице к гардеробу и, одевшись, одновременно оказались на улице.

Была ранняя весна, не та томительно-прекрасная лукавая волшебница, воспетая поэтами, а промозглая и грязная московская весна с серым дождливым небом, обнажившимся повсюду мусором, лопнувшим асфальтом и скользкими обмылками снега на чавкающей под ногами болотистой земле.

– Давайте уже познакомимся, – видя, что девушка замешкалась на крыльце, предложил лейтенант, и первым представился: – Александр, можно Саша.

– Мария, можно Маша, – в рифму ответила девушка и засмеялась.

Следующим утром Александр, как и предполагалось, получил приказ изъять кинжал, прихватил необходимые бумаги и отправился в прокуратуру. Следователя не оказалось на месте. Подергав ручку кабинета, лейтенант в досаде решил выйти покурить. Возвращаясь, он увидел, как из той самой нужной ему двери, расположенной в самом конце длинного коридора, выходит незнакомый человек в длинном черном плаще, но не таком, как носили чекисты, а скорее похожем на архаичное одеяние времен Средневековья. Обрадовавшись, что кабинет открыт и, следовательно, его хозяин на месте, лейтенант заспешил вперед. Но что-то было не так. В царившем в коридоре полумраке идущий навстречу мужчина в плаще выглядел уж слишком неестественно. И самое главное – Александр разглядел то, что у загадочного посетителя было в руках. Незнакомец, не таясь, прямо на ходу разорвал плотный полиэтилен, достал

оттуда знакомый лейтенанту кинжал, а сам пакет небрежно швырнул на пол. Александр, опешив от такой наглости, преградил мужчине дорогу и только собрался строго поинтересоваться, что происходит, как натолкнулся на пронзительный взгляд темных глаз.

Дальнейшие события, о которых Александр практически ничего не мог толком рассказать, чуть не стоили ему карьеры. Едва его взгляд встретился с глазами незнакомца, произошло нечто, что впоследствии он определил, как «полный паралич сознания». Прошедший специальное обучение и готовый к самым различным ситуациям лейтенант госбезопасности стоял соляным столбом и смотрел, как мужчина спокойно выходит на лестницу, унося с собой оружие убийства, главную улику совершенного преступления, загадочный кинжал, не описанный ни в одной книге, посвященной холодному оружию.

Получив строгий выговор «за халатное бездействие, недостойное советского офицера», Снежневский был в наказание временно определен в «топтуны» – осуществлять наружное наблюдение за подозрительными гражданами. Ничего не зная заранее об объекте слежки, он явился на смену другому агенту. Тот небрежно указал ему на девушку, регулярно встречающуюся, или, по словам напарника, «крутившую роман» с иностранцем, находящимся в разработке КГБ.

Александр даже издали сразу узнал изящную фигурку и длинные светлые волосы. «Объектом» оказалась Мария, очаровательная сотрудница Археологического института, встреченная им накануне в Исторической библиотеке.

Мария, 1968 год

Ах, история! Самая неточная из всех неточных наук. Марию она привлекала с самого детства. Или истории, если хотите – ведь история человечества – это суть переплетение всех, даже мельчайших человеческих историй. Ее ум постоянно занимали картины прошлого. Размышлениям о будущем она уделяла гораздо меньше внимания, по крайней мере до тех пор, пока Ян не показал ей, что будущее – это то же самое прошлое, только как бы наоборот.

Даром Санктус игнис ей стали видения минувших событий – яркие, четкие, как будто кинохроники, только куда более масштабные и подробные. Проблема была лишь с датировками – она редко могла с точностью назвать год, век, а в некоторых случаях – даже тысячелетие. Впрочем, она вскоре поняла, что точная датировка событий – камень преткновения и предмет яростных споров для многих историков – не имеет большого значения. Функция времени в нашей реальности – лишь создание и поддержание иллюзии разделения, само по себе оно не существует.

Когда Мария собралась ехать в Москву, чтобы поступать в институт на исторический факультет, Нанна нахмурилась и мрачно произнесла:

- Деточка, ты должна остаться здесь.
- Нанна, я понимаю, ты не желаешь со мной расставаться, но я хочу изучать историю.
- Для этого не обязательно ехать в столицу, есть учебные заведения и гораздо ближе. А Москва – плохой город, темный.

Мария не понимала, почему старая лопарка²⁰, никогда не покидавшая пределы Северного полярного круга, так настроена против столицы. Она с детства привыкла прислушиваться к словам няни, чья незатейливая мудрость была древней, как сама эта земля. Нанна была дочерью нойда – саамского шамана, и соплеменники почитали ее, как великую колдунью. Ее еще до революции девочкой привезли в город и отдали в услужение к местному барину, и Нанна вынянчила и вырастила сперва Егора – деда Марии, затем Степана – ее отца, а теперь и саму Марию. Никто точно не знал, сколько няньке лет, но по самым скромным подсчетам выходило, что не менее девяноста. Нанна так и выглядела – древней старухой, маленькой и морщинистой. Будучи невысокой, как и все саамы, с годами она словно еще усохла, став похожей на сказочную колдунью-гномиху. Но в этом тщедушном теле жил мощный и бесконечно мудрый дух, к которому прислушивались все в доме – даже ее воспитанник Степан Егорович, ставший к тому времени крупным партийным руководителем. Нанна говорила мало, цедя немногочисленные слова очень тихо, почти шепотом, и каждое из произнесенных слов глубоко западало в душу. Но сейчас Марии очень не хотелось соглашаться с любимой няней. Ей, семнадцатилетней, нигде не бывавшей кроме родного города и ближайших окрестностей, столица представлялась волшебным, сказочным миром, полным музыки, огней и новых впечатлений.

– Нанни, милая, ну почему он плохой? Там живут такие же люди, как и здесь. Но в Москве больше возможностей, там центр культуры.

– Плохой, – уперлась лопарка. – Духи давно покинули то место, и теперь оно лишено их защиты.

Мария, с раннего возраста привыкшая к разговорам про духов, представляла их этакими бесплотными сказочными существами, незримо присутствующими повсюду. Сейчас она недоумевала: как он могут покинуть такой чудесный город, каким ей виделась столица.

– Почему ты так говоришь? Разве могут духи покинуть людей? – только и спросила она.

²⁰ Лопари – так русские чаще всего называют саамов, представителей малочисленного финно-угорского народа.

– Не духи покинули людей, а люди забыли духов. Забыли все: кто они, откуда он родом, кто их предки. Когда о духах забывают, они уходят. И тогда люди теряют связь со своими корнями и друг с другом. Они становятся как будто сами по себе. И это плохо, потому что человек должен ощущать свое место в паутине жизни. Обособленность рождает эгоизм, а эгоизм – все остальные пороки.

Выговорив эту непривычно длинную тираду, старая лопарка немного помолчала, словно сомневаясь: стоит ли продолжать. А затем поразила девушку еще больше. Она сняла с шеи всегда висевший там амулет, погладила тонкой сморщенной рукой переплетение истершихся шнурков и принялась объяснять:

– Вот смотри. Ты сейчас здесь, – она ткнула сухим пальцем в плотный узел. – Перед тобой две большие дороги. Вот сюда, – палец скользнул по шнурку вниз и коснулся красной кисточки внизу, – или сюда, – и няня указала на тонкий каменный кружок в центре, на котором был вырезан рисунок, разглядеть который Марии никогда не удавалось – настолько он был затертым от времени.

– Я хочу сюда! – не задумываясь, воскликнула девушка, указав на кружок.

– Вот то-то и оно, – вздохнула Нанна. – Ты не знаешь, что там начертано, и эта тайна тебя манит. А может, привлекает то, что стоит за нею.

Произнеся эти непонятные слова, она повернулась и ушла в свою комнату, тем самым окончив разговор.

Расстроенная словами няни, Мария долго не ложилась спать. Ей хотелось поговорить с отцом, который прекрасно разбирался в обычаях и верованиях лопарей и мог доступно объяснить, что Нанна имела в виду, когда говорила, что духи покинули столицу и почему, говоря образным языком няни, не стоит выбирать неизвестный рисунок, а лучше предпочесть простую красивую кисточку. Лежа в кровати с книгой, она скользила глазами по строчкам, почти не улавливая смысла, и чутко прислушивалась к шорохам за дверью.

Наконец около полуночи в прихожей раздались характерные звуки, возвещавшие приход Степана Егоровича. Мария знала, что Нанна сейчас подаст ему поздний ужин. На кухне в ее доме никогда не ели, только готовили пищу, а накрывали стол всегда в самой просторной комнате, служившей одновременно гостиной и столовой. Пока отец ужинает, к нему нельзя подходить с разговорами, зато потом, когда он перейдет на диван с чашкой чая и газетой, наступит самое подходящее время для серьезной беседы. Выждав для верности полчаса, Мария вышла из своей комнаты и прошла по длинному темному коридору в сторону гостиной.

Но все получилось не так, как она рассчитывала. За дверью раздавались голоса: тихий полусшепот Нанны и встревоженный бас Степана Егоровича. Мария не хотела разговаривать с отцом при Нанне, она решила вернуться в комнату и подождать еще немного, но, услышав свое имя, замерла и приоткрыла дверь. Она знала, что поступает неправильно, однако не могла подчиниться голосу совести, поскольку почувствовала, что сейчас за этой дверью решается ее судьба. Она даже слегка приотворила створку, чтобы лучше расслышать слова няни.

– Степан, ты знаешь, что я оберегала ее с тех самых пор, как нашла младенцем на крыльце дома, – шипела Нанна, – ее нельзя никуда отпускать.

– Почему ты так уверена? – вопрошал отец.

– Мне было видение, – голос Нанны звучал еще тише, чем обычно и в этом жутком шепоте различались чужие, непривычные интонации.

– И что ты увидела? – голос отца звучал встревожено.

К видениям Нанны в семье относились более чем серьезно. Дочь шамана, она порой неожиданно уходила на два-три дня далеко в сопки, туда, где веками величественно стояли, обдуваемые недобрыми северными ветрами, таинственные сейды²¹, и проводила долгие часы

²¹ Сейды — культовые камни и скалы, воплощения Мирового столпа или горы, соединяющей все миры. Иногда сейд

в беседах с духами. Вернувшись, несколькими скупыми словами Нанна сообщала о грядущих событиях. Только благодаря ей богатая купеческая семья не была сметена революцией, не понесла потерь в наступившее затем страшное лихолетье, пережила времена голода тяжелые военные годы. Предвиденье Нанны хотя и не избавляло от предстоящих ужасов, но позволяло подготовиться к ним.

Мария удивилась словам Нанны, она, проводившая дома гораздо больше времени, чем отец, точно знала, что лопарка давно не покидала пределы города. И что это за слова «нашла младенцем на крыльце дома»? Она, Мария, что – подкидыш? Девушка затаила дыхание, чтобы не пропустить ни одного слова старой вещуньи.

– Если Мария уедет, ее ждет особая судьба. Сейчас еще можно все изменить, потом – нет.

– И чем так ужасна та особая судьба, что ты даже не хочешь о ней говорить? Что ее там ждет – смерть?

– Нет, она будет жива. Но то, с чем она встретится на этом пути, может оказаться хуже смерти.

– Что же это, Нанна?

Лопарка долго молчала, то ли обдумывая что-то, то ли подбирая слова. Привыкший к медлительности старой няни, Степан Егорович терпеливо ждал. Наконец лопарка снова заговорила:

– Я не знаю, как объяснить то, что я видела. Есть нечто, что сильнее духов. Первооснова всего, сердце мира. Но людям к нему нельзя приближаться. Оно манит ее, но если она подойдет слишком близко, то заплатит тем, что дороже жизни.

– Как я могу ей помочь?

– Не отпускай ее в столицу. Хотя... Ах, все бесполезно. Ты, Степушка, сердцем слаб, ты не сумеешь ее остановить, и защитить тоже не сможешь.

И, воздев руки и подняв морщинистое лицо вверх, словно обращаясь к кому-то другому, она едва слышно проговорила:

– Все, я сделала, что могла. Теперь я свободна.

Произнеся это, Нанна, как всегда, когда считала, что разговор окончен, резко вышла из гостиной, столкнувшись в дверях с не успевшей отпрянуть Марией. Няня сурово глянула на воспитанницу, но не остановилась, а отправилась в свою комнату. Отец ничего не заметил, и Мария решила не торопиться с разговором, тем более что беседа могла оказаться еще сложнее, чем предполагалось. Что, если окажется, что Степан Егорович и давно умершая мама – ее приемные родители?

На другой день, едва проснувшись, Мария ощутила: что-то не так. Проведя рукой по щеке, она запуталась пальцами в переплетении шнурков и неловко вытащила из ворота ночной рубашки каменный диск. Это был амулет Нанны, с которым та прежде никогда не расставалась. Мария сразу поняла, что случилось нечто очень плохое.

Иван, 1993 год

Первое чувство, которое я ощутил, проснувшись в чужом доме, было страхом. Когда я открыл глаза, было еще темно. Воспоминания о вчерашнем дне пришли мгновенно, но, словно размытые сном, утратили прежнюю остроту.

Возвращаться после пережитого кошмара в свою пустую захлавленную квартиру я вчера не захотел, а появиться у отца был еще не готов. Лучший друг после школы поступил в военное училище, и теперь нас разделяло более пятисот километров. А институтские приятели, по сути, оставались слишком малознакомыми людьми. Я решил поехать к Лене – однокурснице, вот уже пару месяцев считавшейся моей девушкой. Роман наш был красивым, но весьма поверхностным. В отношениях, внешне таких романтично – трогательных, было очень мало подлинной близости. Лена много и охотно говорила о себе, рассказывая длинные запутанные истории о своих предках, имевших отношение, как правило, к высшим слоям общества – в те годы это уже было модно. Я слушал, не вникая – желание постоянно подчеркивать свою исключительность в моих глазах было незначительным недостатком по сравнению с несомненной внешней привлекательностью и сексуальностью девушки. Лена была очень красива... О некоторых близких людях в своем повествовании я вынужден говорить исключительно в прошедшем времени. Вот и Лена – «была», поскольку мой необдуманный приход к ней в тот вечер повлек за собой цепь событий, ставших для нее роковыми.

Я уже не сомневался, что отправлюсь на поиски мамы в монастырь далекого северного города. Просторы Родины для меня были гораздо более неизведанными, чем, скажем, Европа, которую в последние годы я часто посещал с отцом, то и дело ездившим туда по загадочной служебной необходимости. Лена, как я полагал, могла восполнить пробелы в моих знаниях по географии родной страны. Или, скорее, я придумал себе такой предлог для вчерашней поездки к ней. После всего пережитого мне не хотелось оставаться одному, мне нужен был близкий человек, кто просто побыл бы рядом.

Лена сходу разрушила мою и без того слабую надежду на утешение и участие. После традиционного ехидного обмена приветствиями: «Привет, институтка и дочь камергера» – «Привет, примерный мальчик, сын чекиста», она, не заботясь более о соблюдении этикета, с грубоватой прямоотой спросила:

– Зачем ты пришел сюда, на ночь глядя? Я же говорила тебе, что тетя не любит незваных гостей.

– Ах, странник я бездомный, всегда в желаньях скромный, сыскал себе приют...²², – начал я шутливо декламировать, хотя настроение было отнюдь не веселым.

– Ну, юноша, самовыражайтесь быстрее²³, – сердито оборвала меня подруга.

– Может, ты меня все жепустишь в квартиру?

Девушка явно колебалась, не желая, видимо, чтобы даже часть нашего разговора стала достоянием, по слухам, не в меру любопытной тетки, у которой Лена жила.

– А на улице нельзя поговорить? Может, прогуляемся?

Я представил, что мне снова придется выйти на ледяной зимний ветер, и решительно замотал головой:

– Я сегодня уже нагулялся.

– Ну тогда поедem к тебе.

– Хорошо, поедem, – сдался я. – Только у меня не убрано после вчерашнего.

²² Слегка искаженная цитата из стихотворения К. Батюшкова «Мои пенаты»

²³ Цитата из фильма «Покровские ворота».

– Не убрано... – Лена сморщила изящный носик, должно быть, вспоминая тот разгром, который компания студентов накануне оставила в моей квартире. – Чем же ты сегодня весь день занимался?

– Я был у Серафимы, – зачем-то ляпнул я правду. Наверное, мне просто хотелось произнести имя моей любимой крестной.

Лена видела Серафиму всего один раз, мы ее встретили в одном из крупных московских магазинов, до которых моя девушка была большая охотница, а начисто лишенная интереса к современной моде крестная забежала случайно. Первая университетская красавица окинула взглядом ладную фигуру в ярком платье, пышные рыжие кудри, подхваченные пестрой лентой, и презрительно подняла брови. Серафима, как всегда приветливо улыбалась и радостно щебетала. Я смотрел на них и дивился. Крестная как минимум на пару десятков лет старше и далеко не так красива, как Лена, но выглядела она рядом с ней, как Солнце подле Луны. Яркая, теплая, нежная, она была в тысячу раз привлекательнее моей надменной спутницы. Надо ли говорить, что Лена мою крестную с той первой и последней встречи страстно невзлюбила. Вот и теперь она ядовито произнесла:

– У этой своей чокнутой рыжей тетки?

– Она умерла, – не в силах больше поддерживать привычную игру, упавшим голосом произнес я.

Лена вскинула брови:

– Как умерла?

– Ее убили. – Я уже жалел, что не сдержался, и что вообще пришел к Лене в этот вечер, и хотел было развернуться и уйти, когда вдруг услышал:

– Ладно, проходи. Сейчас все расскажешь, – одновременно с неприкрытым обывательским любопытством в ее глазах промелькнула тень сочувствия – или мне это показалось?

– Лен, я очень, просто нечеловечески устал. Уложи меня спать, пожалуйста, а утром поговорим.

Я не знаю, как Лена решила вопрос со своей родственницей, но спать она меня действительно уложила. Больше не заблуждаясь относительно ее чувств ко мне, я в тот момент предпочел бы оказаться как можно дальше, но мое тело, истощившее весь запас адреналина, вышло из подчинения и требовало немедленного покоя. Мне постелили на диване в небольшой проходной комнате, служащей в этом доме гостиной. Несмотря на выпавшие на мою долю переживания, я уснул почти мгновенно. Даже не предполагая, что принесет мне грядущий день...

Проснувшись, я взглянул на наручные часы: половина седьмого. Вокруг царил тишина, лишь из-за окна доносились редкие звуки отъезжающих со стоянки машин. Полежав несколько минут, я тихо встал. Где-то там, за закрытыми дверями комнат, похрапывала тетка и мерно сопела своим красивым носиком Лена. Я понял, что к обещанному разговору с ней не готов, да и смысла не видел о чем-то говорить. Решив, что оставаться мне здесь больше незачем, я быстро оделся и покинул квартиру, неслышно захлопнув за собой дверь.

Пропажу маминого письма я обнаружил лишь придя домой.

Змеинная мистерия

(из книги Мери Смит)

*Посланы Зевсом на землю-кормилицу три мириады
Стражей бессмертных. Людей земнородных они охраняют,
Правых и злых человеческих дел соглядатаи, бродят
По миру всюду они, облеченные мглой туманной.*

Гесиод «Труды и дни»²⁴

Его окутывала темнота пещеры, опутывала своими влажными липкими щупальцами, отравляла душу густым тяжелым дыханием, сжимала сердце ледяными пальцами ужаса. Глаза оставались широко открытыми, но здесь, куда никогда не проникало ни кванта света, они становились скорее помехой. Зрение, надолго лишенное привычной пищи, обратилось к другому источнику, и перед глазами периодически возникали и таяли отвратительные монстры, словно все тайные страхи подсознания вырвались во внешний мир и обрели плоть. Ильяс рефлекторно крепко зажмурил глаза, чтобы избавиться от видений, но это не помогало.

Раньше, когда он представлял, как ему придется провести три дня одному в лабиринте, спрятанном глубоко под землей, самым неприятным казались одиночество и скука, невозможность ничем заняться. Он точно знал, что никакие опасности и противники не будут его там подстерегать. И оказался совершенно не готов к тому, что его врагом станет собственное воображение, которое, подобно ночному чудовищу, развернет во тьме тугие пружины змеиных колец и предстанет во всем своем кошмарном обличье. Абсолютная, черная, невообразимо жуткая тьма окажется не пустотой, а полной ее противоположностью – миром, плотно населенным всевозможной нежитью. Здесь его окружали омерзительные персонажи собственных детских ужасов и, словно этого было мало, к ним присоединились архаичные чудища, пришедшие из самого древнего уголка памяти – кошмары его далеких предков. Первые казались неправдоподобно яркими, как детские сны, вторые – едва прорисованными, скорее тенями, чем существами из плоти, но от того еще более жуткими.

Чтобы хоть немного вернуться к реальности, Ильяс стал ощупывать стену пещеры, не представляя даже того, насколько та велика или мала. Его вели сюда с завязанными глазами, долго, тесными переходами, превращающимися порой в узкие лазы. Нарастающий холод и плотность воздуха указывали на то, что они углубляются все дальше под землю. Но тогда еще ничто не предвещало тяжести предстоящего испытания – он знал, что сотни, а может быть тысячи вступавших в ряды Змеиного братства, проходили подобную инициацию. Это было первое испытание, считавшееся самым легким. Хотя теперь он был в этом уже не уверен.

В темноте его слух предельно обострился. Казалось бы, здесь, глубоко под землей, где нет ни стихий, ни живых существ, должно царить полное беззвучие. Но тьма оказалась полна сперва едва различимых, но с каждым часом набиравших интенсивность шорохов, скрипов, клокотаний и отдаленных раскатов. Через какое-то время Ильяс стал различать человеческие и звериные голоса, вой и даже смех. Он вслушивался, стараясь определить, откуда доносятся звуки, но тщетно. Они шли отовсюду и ниоткуда, и, наконец, он понял, что источник голосов – внутри него самого. Это очень походило на начало безумия, и мальчик, в попытке укрепить рассудок, начал повторять слова древней песни, стараясь, чтобы они заполнили все сознание, не оставляя места ни для чего более:

*Солнце день ото дня затмевает луну и другие светила,
Каждый год обновляется мир, словно ящер, меняющий кожу
Так и мы век за веком влачим свою тяжкую ношу,
Вознося свои жертвы во имя всеобщего мира.
Кто поверил, что знание только лишь светоч любви и добра,
Озаряющий небо и жизнь всякой твари дающий,
Тот не помнит времен, когда мир был низвергнут во мрак
И небесный огонь выжгет всех, не взирая, кто хуже, кто лучше.
Наши страсти и страхи подобны огромной глубокой реке,
И природу вещей бытие не изменит вовеки*

²⁴ Перевод В.В. Вересаева.

*А Священный огонь отвечает на том языке,
На каком задается ему сокровенный вопрос человеком.
Мы – простые спасители мира от божьего гнева,
Нефилимы, хранящие землю невидимой ратью
Наша клятва, скрепленная кровью навеки исчезнувших братьев,
Не позволит истории вновь повториться под небом.*

Эта песня была ему в детстве вместо колыбельной – мать бесконечно повторяла ее, укачивая сына. В нехитрых словах было все, что ему нужно – красота и погибель, величие и страх. Слегка умирив демонов подсознания и очистив свой рассудок, Ильяс успокоился и даже немного задремал, утомленный переживаниями.

В тот самый миг, когда он готов был погрузиться в спасительную пучину сна, позади него вспыхнуло яркое пламя. Ильяс мгновенно пробудился, и хотел было повернуться к источнику света, но вспомнил, что ему было наказано ни в коем случае этого не делать. После стольких часов темноты взгляд никак не мог сфокусироваться, и тени, пляшущие на стенах пещеры, казались еще более размытыми и загадочными, чем были на самом деле.

Когда зрение полностью восстановилось, он понял, что перед ним не просто контуры причудливых очертаний пещеры, колышущиеся в неровном свете пламени. Он различал фигуры людей, стены домов, башни дворцов, колонны храмов. Перед его взором разворачивалось удивительное представление – театр теней, созданный непонятно кем и как, но специально для него. Невероятное зрелище полностью захватило Ильяса, он пристально вглядывался в призрачные рисунки, стараясь охватить как можно большую часть удивительной картины незнакомомого мира, поскольку ограниченный угол зрения человека позволял видеть лишь то, что перед ним. Там, с обеих сторон на периферии зрения, тоже двигались тени, тоже кипела жизнь неизвестного города.

Ильяс быстро понял, что у представшего пред его очами зрелища есть определенный сюжет. Танец теней менялся, развивался, люди на его глазах взрослели, старели и умирали, постройки разрушались, на их месте вырастали новые. Перед ним за краткие минуты разворачивалась огромная волнующая история целой цивилизации. Но он не узнавал в этих образах ни одного известного ему города, ни одного события человеческой истории. Архитектурные формы, уклад жизни, устройство быта – все казалось иным.

Он не смог бы сказать, откуда возникло такое чувство, но был уверен: показанный ему мир был счастливым. Ильяс с изумлением и восторгом наблюдал, как жители неизвестного государства предаются творчеству, посвящают себя духовному поиску, тогда как всю тяжелую работу выполняют загадочные механизмы, все более изощренные и сложные. Появились изящные высокие ступенчатые здания, словно гигантские муравейники, меж ними курсировали летательные машины, напоминающие больших птиц.

Вдруг прямо перед ним, в центре, подобно дереву, словно сама собой начала расти постройка в форме правильной пирамиды. Ее величественные грани были то ли отполированными до появления отражения окружающего пейзажа, то ли полупрозрачными, отчего картины ландшафта проступали сквозь них. Оставив далеко внизу все прочие здания, вершина пирамиды поднялась к самому небу. Ее увенчала маленькая площадка, где возникла фигурка человека с воздетыми ввысь руками. Через мгновение верхушка пирамиды словно отделилась от основания, а сердцевина запульсировала, забилась, подобно сердцу, засияла восхитительным светом. Свет хлынул во все стороны, озаряя город у подножия пирамиды. Вот он, Санктус игнис, светоч знания, – догадался Ильяс.

Люди наполнялись этим светом и становились иными, обновленными – бессмертными богами. В мире больше не властвовала смерть. Все перестали стареть и болеть, им не грозил ни голод, ни природные катаклизмы. Настоящий золотой век! Ильяс подумал, что теперь эти свободные и счастливые, избавленные от повседневных забот, предохраняемые от тягот и лише-

ний люди должны создать нечто поистине грандиозное! Он замер в предвкушении. Однако идиллия оказалась мнимой, и будущее имело иной сюжет.

Постепенно мир, представляемый невидимым проектором, изменился. Это произошло так неуловимо, что Ильяс даже не сразу понял, в чем дело. Некоторые фигурки людей стали темнее, словно вобрали в себя мрак, изгнанный светом. Их становилось все больше, мгла сгущалась. Попытки «светлых» человечков вступить в борьбу с тьмой приводили к странному, по мнению Ильяса, результату – они тоже мрачнели. Мрак быстро поглощал прекрасный некогда мир. Реальность становилась все тоньше, все прозрачнее, все темнее. Последнее, что увидел Ильяс, перед тем, как погас последний луч – как исчезает в неведомой черной дыре изумительный храм-пирамида...

Тьма снова окутала его душным покрывалом. Но Ильяс не испытывал ни страха, ни беспокойства. На его глазах только что родился и умер целый мир. Санктус игнис озарил людей светом знаний, одарил бессмертием, но что же их погубило? Видимо, что-то внутри них самих хранило и множило тьму и, в конце концов, привело к катастрофическому финалу. Может, такой исход предрешен для любого человеческого общества? И только ли в этом смысл «представления теней»? Почему такой необычный способ демонстрации? Может быть, суть в том, что люди всегда стоят спиной к свету и видят лишь бледную тень реального мира? Не об этом ли писал Платон, один из Великих посвященных?

Но главное чувство, вселенное в него увиденной картиной, было ощущением невероятной хрупкости, уязвимости любой цивилизации. Как призрачно земное бытие, думал Ильяс, если даже тот, древний мир, не знавший войн, оружия и ненависти был стерт с лица земли неведомой силой. Есть ли в таком случае у современного человечества шанс выжить, не уничтожить себя, не превратить планету в безжизненную пустыню? Люди, совершенствуя методы ведения войны, вместо того, чтобы искать способы мирного сосуществования государств и наций, уже очень близко подошли к той грани, за которой нет ничего, кроме страха и боли. Неужели миллионы лет пути к человеку разумному и тысячелетия цивилизованного существования завершатся таким фееричным и жалким финалом? И правильно ли он выбрал себе роль в этом действе, стремящемся к бесславному концу? Чтобы хранить мир от зла, сотни поколений его предков устранили всех, кого считали угрозой. Но уничтожали ли они при этом само зло? Или только множили его, порождая все более изощренных искателей власти над миром?

Однако времени на поиск ответов у Ильяса не оказалось. Рассеивая окружающий мрак, словно из воздуха вокруг него стали появляться фигуры, закутанные в длинные плащи с капюшонами. Он вдруг увидел, что стоит на вершине высокого холма и смотрит на разверстую темную воронку, простирающуюся во все стороны, до самого горизонта. Кое-где к кроваво-красному небу поднимаются языки пламени и клубы черного дыма, и это единственное движение на раскрывшейся перед ним беззвучной, безжизненной картине. Стоящие рядом с ним, плечом к плечу люди тоже безмолвны, но он чувствует огромное горе и гнев, переполняющие их души. Недавнее страшное исчезновение целого мира и вместе с ним любимых и близких, произошедшее на их глазах и причинившее ужасные страдания, сделало невыносимыми воспоминания о прошлом, омрачило болью утраты настоящее. Гибель цивилизации лишила их будущего.

Ильяс ощущал, как его сердце наливается нестерпимой тоской, постепенно сменяющейся холодной яростью.

*Вновь появится солнце, проглянет сквозь клубы пожарниц,
Вновь восстанет земля, залечив свои тяжкие раны.
Чрева тайных пещер до тех пор нашим домом пусть станут,*

*Темнотой своей тысячи лет нашу скорбь умножая.
И когда придет снова разумного мира пора*

*Мы уже не позволим его так бездумно разрушить
Не забудем тот день, когда мир был низвергнут во мрак
И небесный огонь выжжет всех, не взирая, кто хуже, кто лучше.
Наши страсти и страхи подобны огромной глубокой реке,
И природу вещей бытие не изменит вовеки
А Священный огонь отвечает на том языке,
На каком задается ему сокровенный вопрос человеком.
И мы станем спасением мира от божьего гнева,
Нефилимы, хранящие землю невидимой ратью.
Наша клятва, скрепленная кровью навеки исчезнувших братьев,
Не позволит истории вновь повториться под небом.*

Ильяс ощущал, как каждое слово, с младенчества запечатленное в его сознании, наконец, обретает смысл, наполняется страстью и силой. Он знал, что тех, кто впервые произнес эту клятву, давным-давно нет в живых, но их чувства, соединенные вместе, спаянные в одно всепоглощающее стремление, продолжают свой путь через время, находя себе новое пристанище. И теперь они внедрились в него, вплелись в сосуды и нервы, растворились в крови, растеклись по всем уголкам сознания, сделав его своим безоговорочным рабом. В душе Ильяса смешались пламенный восторг от осознания великой цели, которой он отныне служит, и ледяная тоска утраты свободы выбора, невозможности принадлежать себе. Он понял: так теперь будет всегда.

Свет повлек его к стене пещеры, где мальчик увидел сплошной рисунок, состоящий из контуров рук, оставленных многими поколениями тех, кто так же, как он проходил обряд инициации. Ильяс обмакнул левую руку в черную густую жидкость, напоминающую кровь и приложил к стене, в нескольких местах перекрыв отпечатки растопыренных пальцев своих предшественников. Этим символическим жестом он принял обет и влился в ряды Змеинового братства.

Все снова погрузилось во тьму, но ненадолго. Перед мальчиком вновь вспыхнуло пламя – это оказался обычный факел, освещающий проем, вход в новый коридор лабиринта подземного царства. Он двинулся вперед, решительно разрезая своим телом спертый воздух подземелья. Под ногами гулко стонал камень, низкие своды давили своей мрачной тяжестью. Впереди был яркий свет, к которому Ильяс стремился по длинному, узкому и темному коридору. Говорят, нечто подобное душа испытывает после смерти, подумалось ему. Несколько секунд головокружительного бега и вот он, свет! Когда глаза привыкли к яркому сиянию множества факелов, юноша узрел свое последнее испытание. На грубо отесанном каменном алтаре неподвижно лежал человек. Только быстрое, нервное движение зрачков говорило о том, что он жив. Кто-то, оказавшийся сзади, вложил в руку Ильяса альдамм – жертвенный нож...

– Вадхах, – страшное слово эхом отразилось от сводов пещеры. – Убей!

И в этот момент мальчик со всей ясностью осознал, что то, что они делают ради спасения мира – не выход.

Иван, 1993 год

Мамина фотография, еще в квартире Серафимы засунутая мною за обложку студенческого билета, была на месте, а письмо исчезло. Сперва я решил, что мог потерять его во время своей долгой прогулки по улицам, но потом вспомнил, что, поднимаясь на лифте к Лене, нащупывал листки в кармане. А уходя от нее, искал жетоны метро, и письма уже там не было. Значит, когда я уснул, Лена или ее любопытная тетка залезла ко мне в карман и взяла письмо – к такому неутешительному выводу я пришел. Ценнее вещи, чем эти чуть пожелтевшие листочки, исписанные маминой рукой, на тот момент для меня просто не было. Я размышлял, кто же из двоих взял письмо и как теперь с наименьшими потерями заполучить его назад. В этот момент пронзительно зазвонил телефон, я поднял трубку и услышал голос отца:

– Сын, где ты пропадал вчера весь день? Я не мог тебе дозвониться. Я должен сказать тебе одну очень неприятную новость: с Серафимой случилось несчастье. – Он сделал тщательно вымеренную паузу, выжидая, как я отреагирую на это известие. Я был уверен, что отец знает, что я там был, просто не может не знать, ведь там был человек из МБР. И через минуту он старательно будет делать вид, что все узнал от меня. Впервые эта давно известная мне хитроумная манера отца вызвала злость.

Однако я сумел сдержаться и не высказать своих мыслей. Оправдывая его ожидания, я изложил, как обнаружил Серафиму, опустив, однако, все, что касалось письма. Пожалуй, это был первый случай, когда я солгал своему отцу. Я не хотел делить с ним переживания, связанные с мамой, как когда-то он не захотел разделить со мной свои. О том, что я собираюсь в довольно дальнюю поездку я тоже, разумеется, умолчал.

Закончив тягостную беседу, в еще более расстроенных чувствах я поехал обратно к Лене, на ходу обдумывая, какую выбрать стратегию разговора, чтобы она призналась и вернула мне письмо. Мне сейчас уже не вспомнить, что я тогда надумал, да это и не важно...

Не важно, потому что, когда я вошел в незапертую квартиру, Лена была уже около часа как мертва. Она лежала на кровати, раскинув руки и уставившись невидящими глазами в потолок. Убили ее тем же способом, что и Серафиму – ударом ножа в сердце. Только Лена, по видимому, умерла мгновенно, возможно, так и не поняв, что произошло. Если бы не мое присутствие в обоих случаях и не одинаковый способ убийства, связать эти два преступления было бы сложно.

И снова, словно повторение вчерашнего дня, закрутилась все та же карусель: скорая, милиция, следователь. Конечно, уже не Петрищев, а другой – суровый, похожий на отставного военного пожилой мужчина. Но шаблон их образа мыслей, видимо, был выточен на одном конвейере, и новый следователь начал свою работу с активных подозрений в мой адрес – до тех пор, пока не выяснилось, что во время смерти Лены, которое удалось установить довольно точно, я был дома, что подтвердил звонивший мне отец. Слово отца – полковника МБР – подвергать сомнению никто не стал. Я не буду описывать в подробностях обыск в квартире, истерику вернувшейся из магазина Лениной тетки и бесконечные вопросы дотошного следователя – все это я пережил, как во сне, постоянно испытывая острое ощущение дежавю.

Я понимал, что теперь мне уже не отвертеться от нелегкого разговора с отцом – две смерти за два дня, убиты самые близкие мне женщины, причем одинаковым способом, и обеих обнаружил я. Эти факты требовали объяснения, причем все указывало на то, что именно я являюсь ключевой фигурой ситуации...

И все же, о письме я решил умолчать, тем более что оно не было найдено. Но теперь я был уверен, что это Лена вытащила его из моего кармана, и именно за это она заплатила своей жизнью. Я восстанавливал в памяти текст письма и не мог понять, что такого страшного в нем сообщалось, чтобы убивать каждого, кто к нему прикоснется. А может, дело все-таки не

в письме? Но интуиция мне подсказывала, что адресованное мне послание имеет к последним страшным событиям самое прямое отношение.

Смерть Лены, несмотря на то, что я не испытывал к этой девушке глубоких чувств, меня потрясла. В первую очередь, пожалуй, своей бессмысленностью – ну что такого Лена успела узнать? И вообще, по данной логике убить следовало, прежде всего, меня – но я-то жив. Почему? Кругом были одни вопросы, на которые я не находил ответов. Решив побыстрее покончить хотя бы с частью проблем, я поспешил к отцу.

Мамино письмо я увидел сразу. Оно было первым, что бросилось мне в глаза, едва я вошел в отцовский кабинет в нашей квартире. Отец тут же торопливо спрятал листки в первую попавшуюся папку, но было уже поздно. Сказать, что я был потрясен – значит, не отразить и сотой доли чувств, охвативших меня в этот момент.

Наши отношения отцом в последнее время итак были достаточно сложными, в первую очередь благодаря тому, что в прессу хлынул поток негативной информации о деятельности КГБ. Я, как и большинство моих сверстников, пребывавший в тот период на пике юношеского максимализма, совершенно опьяненный лозунгами о свободе и гласности, поочередно предъявлял отцу все обвинения, звучавшие в адрес Комитета госбезопасности. Отец, сдвинув брови, выслушивал мои гневные речи, щедро пересыпанные такими словами, как «репрессии», «застенки», «аресты», «допросы», а затем терпеливо объяснял мне, что приводимые мною факты – лишь небольшая надводная часть айсберга, именуемого «интересы государства», и что в деятельности любой организации можно найти компрометирующие моменты, если не сопоставлять действия ее членов с теми целями, во имя которых организация существует.

Я не мог состязаться с отцом в красноречии и обычно в наших спорах оказывался стороной побежденной. Моя прежде безграничная вера в отца как олицетворение настоящего мужчины, честного и порядочного человека, была значительно поколеблена, но я, разумеется, продолжал любить его глубокой сыновней любовью.

Конечно, я никогда даже приблизительно не знал, чем именно занимается мой отец и насколько разоблачения неблагоприятной деятельности «конторы» имеют отношение лично к нему. Но теперь, увидев на его столе письмо, почти буквально обагренное кровью двух дорогих мне женщин, я вдруг четко осознал, что самый близкий человек, вырастивший и воспитавший меня, так или иначе замешан в этих кровавых преступлениях. Не вынеся этой мысли, я развернулся и бросился прочь от кричащего мне вслед отца.

Потом я несколько минут слонялся возле отчего дома, пытаюсь привести свои чувства в порядок, чтобы вернуться и объясниться с близким человеком, но в душе поднималась яростная волна протеста при мысли, что он причастен к смерти Серафимы. Наконец я увидел, как к дому подъехала знакомая служебная «Волга», и мой родитель отбыл в неизвестном направлении. Еще не зная, что буду делать, я поднялся в квартиру и бесцеремонно вошел в «святая святых» – кабинет отца. На столе одиноко лежала черная папка, но знакомых листков в ней не оказалось. Я, стыдясь своего поведения и все же считая, что поступаю единственно возможным образом, начал тщательные поиски. Через полчаса, уже готовый убедить себя в том, что мне почудилось, я случайно нашел мамино письмо – оно было небрежно, словно второпях засунуто между книг в шкафу. Забрав из ящика деньги, я покинул квартиру и в тот же вечер отправился в путь.

Мария, 1968 год

Нанна пропала. Сперва все подумали, что она снова отправилась к своим советчикам-духам, но прошла неделя, а старой лопарки все не было. Степан Егорович, пользуясь своим влиянием, снарядил поисковый отряд в тундру и даже самолично съездил к родне Нанны, которую она время от времени навещала. Путь был неблизкий – до родины Нанны более трехсот километров вечной мерзлоты и бездорожья. Мария с нетерпением ждала его возвращения.

– Ну что? – от волнения забыв о сдержанности, она кинулась к отцу с расспросами. Но в ответ Степан Егорович только покачал головой.

Через месяц стало ясно, что Нанна не вернется. Самой правдоподобной версией исчезновения старой женщины было то, что она по обыкновению ушла далеко в тундру, где умерла от старости или по какой-то иной причине. Найти ее можно было только случайно – даже при близительного направления, в котором она двигалась, никто не знал.

И все же Мария лично день за днем одевала удобные каньги из оленей шкуры – подарок Нанны, брала ружье и отправлялась в сопки, методично повторяя маршруты и обходя все знакомые места, где они гуляли с няней.

Однажды уже под вечер, возвращаясь из очередной своей поисковой экспедиции, она решила срезать путь через сопку. В самом центре поляны, расцвеченной мазками фиолетового, желтого и коричневого – скупой палитры северного лета – стояла Нанна. На ее лице, мягко освещенном солнечными лучами, читались такие умиротворение и теплота, каких Мария никогда не видела при жизни. Всегда суровая и неласковая няня широко и улыбалась своей воспитаннице, кивком предлагая ей подойти. Когда девушка приблизилась, старая лопарка заговорила:

– Обо мне не волнуйся, я теперь живу здесь, в нижнем мире, вместе со своей семьей. Я раньше думала, что здесь темно, но вот, посмотри...

Она повела рукой, и все вокруг стало переливаться красками, словно полярное сияние. И в этих сверкающих волнах появлялись и исчезали сотканые из света картины: скачущие по тундре олени упряжки, вежи, обтянутые шкурами, нойд с ритуальным бубном, воздевающий руки к небу и множество людей вокруг, а среди них Нанна, но не та старуха, какой знала ее Мария, а молодая, черноволосая, смеющаяся.

– Здесь, в подземном мире, так прекрасно! – повторила она. – А тебя ждет необыкновенная судьба, я теперь ясно вижу. Не бойся, духи тебя не оставят. Прощай, моя девочка!

Мария кинулась к няне, но сияние померкло, и через мгновение девушка поняла, что перед ней вертикально стоит камень, подернутый сизым мхом. Подойдя поближе, Мария не увидела в нем никакого сходства не только с Нанной, но и с человеком вообще. Просто серый кусок скалы, занесенный сюда миллионы лет назад ледником. Возможно, усталость, причудливая игра света и тени, воображение и желание еще хоть раз увидеть любимую няню сыграли с девушкой эту шутку. Она не знала, что и думать. Вернувшись домой, Мария рассказала о происшедшем отцу и спросила:

– Пап, а Нанна правда была колдуньей? Как ты считаешь: то, что я видела, это галлюцинации, или действительно есть другой мир?

Степан Егорович ласково прижал к себе дочь и ответил:

– Милая моя, я не знаю. Соплеменники Нанны не такие, как мы. Я много общался с лопарями и понял, что у них особый образ мышления и восприятия, нам совершенно недоступный. Для них отрицать наличие потустороннего мира и духов столь же безумно, как для нас – утверждать, что, к примеру, этот стол не существует. Это не просто их вера, а их реальность, дикту-

ющая образ поведения и мыслей. Няня мне в детстве часто пересказывала саамскую легенду, касающуюся ее семьи. Ты ведь знаешь, что ее отец был нойдом – шаманом, колдуном племени?

– Знаю, хотя она никогда о нем не говорила.

– Да, с годами, видимо, эта тема стала для нее болезненной. Оторванная в детстве от своего народа и вынужденная жить среди людей иной культуры, она, подобно выдернутому из земли цветку, так и не смогла отрастить новые корни. Послушай, что я тебе расскажу. После революции недалеко отсюда, в районе Сейдозера, много чего странного творилось. Люди, оказавшиеся в той местности, часто испытывали необъяснимые расстройства психики. Институт мозга под руководством академика Бехтерева в то время занимался поисками научного объяснения различных психических феноменов, и сюда была отправлена экспедиция, обнаружившая загадочные ходы под землю²⁵. Потом в газете напечатали, что якобы экспедиция нашла остатки какой-то неизвестной древнейшей культуры. Ходили слухи, что специальный отдел НКВД всерьез интересуется тайным наследием каких-то древних цивилизаций²⁶. Все это косвенно подтверждает истории Нанны о подземном лабиринте под кряжами Кольского полуострова, где когда-то жили, как она говорила «иные люди». Лопари с древних времен использовали пещеры Кольского полуострова в смутные годы, чтобы укрыться от напасти. Нанна упоминала, что они никогда не заходили далеко в подземелья – там не было тепла, еды и воды, зато существовала реальная опасность заблудиться. Согласно саамским легендам в пещерных городах от их исчезнувших жителей остались несметные сокровища. На поиски клада периодически отправлялись бесшабашные смельчаки, однако все они бесследно сгинули в чреве пещерного комплекса. История, передающаяся в племени Нанны из поколения в поколение, повествует о том, как один из ее далеких предков, будучи любопытным юношей, набрал с собой припасов и отправился в неизведанные тоннели. Его не было много дней, все решили, что он сгинул, как другие, заблудившись в хитросплетении ходов и пещер. Однако через много дней он вернулся – истощенный, обессиленный, но с чудесным даром предвидения. Он стал первым в роду шаманом, способности которого унаследовала и Нанна. По крайней мере, ее народ считал нашу няню очень могущественной колдуньей. Да и наша семья неоднократно убеждалась в точности ее предсказаний.

Выслушав рассказ отца, Мария благодарно кивнула. Теперь она была уверена, что Нанна, пребывая в другом мире, нашла способ попрощаться с ней.

Вопрос о своем происхождении Мария так и не решилась прояснить – тогда бы пришлось признаться отцу, что она подслушала их разговор с Нанной. Но причина, конечно, была не в этом. В глубине души девушка боялась узнать нечто такое, что окончательно бы разрушило ее душевный покой, и без того пошатнувшийся с исчезновением любимой няни.

Спустя две недели, отметя все возражения отца одной лишь фразой: «Хуже уже не будет!», Мария села на поезд до Москвы. Все еще не в силах принять уход из жизни самого дорогого и близкого человека, оберегавшего, любившего и воспитывавшего ее с самого рож-

²⁵ В 1922 году в окрестностях Сейдозера, расположенного почти в центре Кольского полуострова, работала экспедиция под руководством Александра Барченко, описавшая ходы, ведущие под землю и загадочные природные явления, характерные для этой местности.

²⁶ Александр Барченко, обнаруживший на Кольском полуострове «остатки культур, относящихся к периоду более древнему, чем эпоха зарождения египетской цивилизации» был научным консультантом Глеба Бокии, известного деятеля НКВД, расстрелянного, как и Барченко, в 1937-38 годах. В статье А. Первушина приводится фрагмент протокола допроса Бокии из секретного архива НКВД: «Барченко выдвигал теорию о том, что в доисторические времена существовало высокоразвитое в культурном отношении общество, которое затем погибло в результате геологических катаклизмов. Общество это было коммунистическим и находилось на более высокой стадии социального (коммунистического) и материально-технического развития, чем наше... Существование и Древней Науки, и самих остатков этого общества является тайной, тщательно оберегаемой его членами».

дения, она то смотрела в окно на серое небо, отраженное в решетчатых окнах вокзала, то разглядывала лежащий перед нею амулет – последний подарок старой лопарки.

– Не стоит такие вещи держать на виду, – оторвал ее от дум мелодичный голос входящей в купе женщины. Мария повернула голову, чтобы вежливо поприветствовать попутчицу, с которой ей придется провести почти два дня дороги. Перед ней стояла сухонькая старушка в черной монашеской рясе. И у нее было до боли знакомое лицо – лицо Нанны. Только в отличие от строгой и сдержанной няньки, монахиня широко и добродушно улыбалась.

Александр, 1993 год

Александр медленно водил опасной бритвой по лицу, надеясь, что эта процедура, требующая осторожности и сосредоточенности, поможет разогнать сонливое состояние. На часах было уже около девяти утра, а он только собирался на службу – неслыханное дело! Вчера они со старым другом-профессором засиделись далеко за полночь, поминая Серафиму и строя различные бредовые теории, и теперь четкий ум полковника пытался, невзирая на мутную пелену похмелья и недосыпа, выстроить из известных ему фактов хоть сколько-нибудь ясную картину. Резкий телефонный звонок заставил голову взорваться резкой болью, а руку – дрогнуть, и щеку перечеркнул тонкий порез, из которого тут же выступили мелкие капельки крови. Чертыхнувшись, Александр прошел в прихожую и снял трубку.

– Иван Игнатьевич, мы его взяли! – орала трубка восторженным голосом Вышникова.

Будучи хладнокровным профессионалом, Максим не утратил ни присущего ему искрометного чувства юмора, ни мальчишеских манер, что делало его любимцем коллег всюду, где бы ему ни доводилось служить.

Услышав громкий голос Вышникова, Александр снова вздрогнул и тут же поморщился: свежий порез на щеке откликнулся на движение лицевых мышц неприятным болезненным ощущением.

– Кого взяли? – мрачно поинтересовался он.

– Василиска, товарищ полковник, – захлебывался радостью Максим.

Новость действительно была потрясающая, но полковник не особенно удивился. Фамилия Вышникова ассоциировалась в стенах Управления «Н» с легендами. Специальный агент, раздобытый генерал-лейтенантом Полозовым в оперативно-аналитической службе военной контрразведки, прославился своей почти сверхъестественной интуицией. Максим имел, что называется, «типичный облик разведчика» – его ничем не примечательная внешность оставляла в памяти лишь полустертый, расплывчатый образ, но за этим неприметным фасадом скрывались острый ум, редкая проницательность и – что было удивительно для человека, прошедшего жесткую школу контрразведки КГБ – большое доброе сердце, редкая способность к сочувствию и состраданию. У полковника с первых дней появления бывшего контрразведчика в спецотделе, сложились с ним почти дружеские отношения. После смерти молодого лейтенанта и Серафимы Александр боялся, что теперь жизнь его сына под угрозой. Он успокоился только после того, как Максим пообещал «тряхнуть стариной» и пару дней последить за Иваном. И это спонтанное решение принесло неожиданную и небывалую удачу.

– Товарищ майор, успокойтесь и доложите подробно.

Услышав нотки нетерпения в голосе обычно сдержанного начальника, Вышников тут же сменил тон:

– Докладываю: утром Иван вышел из квартиры своей девушки, где провел ночь, и, передав его сменщику, я не уехал отдыхать, а, подчинившись своей интуиции, остался на месте. Спустя примерно полчаса из упомянутой квартиры вышла пожилая женщина, а еще через несколько минут – подозрительный мужчина, одетый в черную куртку с капюшоном. Я готов чем угодно поклясться, что этого человека в квартире ночью не было, и утром он туда не заходил.

– Ты проследил за ним? – уже волнуясь от предвкушения интересной информации, перебил полковник.

– Лучше! – воскликнул Вышников и тут же покаянно признался:

– Вообще-то я повел себя, как идиот. Излучают что ли эти Василиски что-то такое, что действует на психику? Сам поверить не могу, что я...

– Ну, не тяни, говори, что ты сделал!

– Едва допустив мысль, что из квартиры вышел Василиск, я просто выскочил из-за уступа стены, как черт из табакерки. А он от неожиданности пошатнулся, не удержался на ступенях и скатился вниз по лестнице, при этом пару раз приложившись головой. В тот момент, признаюсь честно, я усомнился в своей догадке, вы же знаете ловкость этих тварей и их умение уходить от преследования. Но пока мой приятель валялся без сознания, я быстренько его обшарил и первое, на что наткнулся – необычной формы клинок со свежими следами крови. Каково?

– Такой же клинок, как я показывал тебе вчера?

– В точности, товарищ полковник.

– И где он теперь?

– Все как положено: оружие убийства – в лаборатории, пленник – в камере. В квартиру мы не стали заходить, менты там и без нас разберутся. А дело и потом можно забрать. Все верно, товарищ полковник?

– Отлично, Вышников! – похвалил Александр. – Что-нибудь еще интересное нашли?

– Да, кое-что нашли. Это письмо, и я его хочу отдать вам лично. Я уже в центре, можно я сейчас к вам домой заскочу?

– Хорошо, приезжай, – согласился Александр, догадавшись, что Максим, будучи соседом полковника, хочет перед службой заскочить домой.

Впервые за время деятельности Управления «Н» в руках Александра оказался живой убийца, принадлежащий к тайной организации Нефилимов. И еще один клинок, обогранный кровью...

Ожидая Вышникова, полковник вновь погрузился в недавние воспоминания. До вчерашнего визита он давно не бывал у старого друга. Оглядев домашний кабинет профессора кафедры археологии, походивший на гибрид библиотеки и музея – расхожий образ обиталища ученого, Александр в очередной раз подумал, что друг немного перебарщивает. Коллеги считали Алима человеком, полностью оторвавшимся от реальности и погрузившимся в пучины далекого прошлого. Но Александр, знакомый с ним со школьных лет, всегда знал, что умный и проницательный татарин прекрасно ориентируется в действительности, но предпочитает поддерживать образ «не от мира сего», чтобы упростить свои взаимоотношения с окружающими и «не тратить время на глупости», по его собственным словам.

Алим в свои чуть за сорок выглядел старше из-за седины, густым инеем покрывшей его некогда черные волосы. Полковник с грустью заметил, что белых пятен с их последней встречи прибавилось.

– Как это могло случиться? – с болью вопрошал профессор. – Она звонила мне буквально вчера. Обещала вскоре нечто сенсационное, разумеется, про свои пирамиды. Упомянула, что, наконец, последний кусочек мозаики встал на свое место, и теперь она знает, кто и зачем их строил. Она была так счастлива, так воодушевлена! А теперь ее нет. Скажи мне, как и из-за чего она погибла? Не сомневаюсь, ты в курсе.

– Собственно, для этого я к тебе и пришел. И мне нужна твоя помощь, чтобы во всем разобраться.

Отбросив привычную осторожность, полковник выложил другу краткую информацию о Нефилимах и даже дал прочитать копию письма Марии в надежде, что профессор подскажет, возможно ли существование подобной организации с глубокой древности. Едва прочитав письмо, Алим, несмотря на свою скорбь, необычайно возбудился.

– Серафима это читала? – в волнении воскликнул он.

– Да. Я думаю, что именно из-за этого она и погибла, – ответил Александр.

Профессор надолго замолчал, и полковнику пришлось его поторопить:

– Ну, что думаешь?

Алим медленно и нерешительно заговорил:

– Саша, мы с Серафимой никогда с тобой не обсуждали свои совместные изыскания – уж больно у тебя работа... Как бы это правильно выразить, чтобы тебя не обидеть? В общем, неподходящая у тебя работа, чтобы делиться с тобой подобными секретами. Но теперь, когда Серафимы больше нет, раз уж зашел у нас с тобой такой разговор, я признаюсь. Разумеется, случившееся с твоей женой, – он потряс зажатými в руке страницами ксерокопии письма, – поразительно.

Упомянув Марию, он бросил тревожный взгляд на друга, но тот выглядел спокойным.

– И полностью подтверждает то, что мы с нашей дорогой подругой домыслили на основании известных нам фактов, – заключил профессор.

– Что за факты? – тут же ухватился за любимое слово полковник.

– Подожди с фактами, я тебе сперва объясню, как все началось.

– Вы с Серафимой что-то нашли? – полковник, не понаслышке знакомый с консерватизмом системы науки, жаждал более конкретных сведений.

– Ну... Можно и так сказать. Лет семь назад мои студенты-практиканты откопали кости, по-видимому, принадлежавшие человеку, но вот череп был очень необычной удлиненной формы. Таких скелетов возрастом от полутора до трех тысяч лет найдено немало. Но слой, в котором пребывал наш скелет, датировался по самым скромным подсчетам 33 тысячелетием до нашей эры. И это еще не все – рядом со скелетом мы нашли загадочный предмет, более всего напоминавший окаменевшее техническое устройство.

– И почему тебе не дали Нобелевскую премию? – неплохо представляя ситуацию, в которой оказался друг, невесело пошутил Александр.

– Да мне даже открытый лист²⁷ на следующий сезон не подписали! Я тогда только с Серафимой и мог поделиться, – кивнул Алим. – Она из-за своих пирамид в Археологическом институте слыла кем-то вроде местной юродивой. Наши коллеги относились к ней с терпеливой снисходительностью, потому что она была для них в целом безобидна. Ну кто всерьез воспринимает изучение пирамид вне контекста культуры определенной цивилизации? И раньше подобные исследования были «нон грата», а уж теперь эта тема и вовсе оказалась серьезно скомпрометированной благодаря сенсациям, наводнившим телевидение и прессу. И стали мы с ней потихоньку собирать и систематизировать данные, как официально признанные, так и не вошедшие в анналы археологической науки. И через пару лет такой вот подпольной деятельности получилась у нас следующая картинка. Во-первых, черепа, – не прерывая рассказ, Алим достал с полки папку и разложил перед полковником целую пачку цветных фотографий. Эти иллюстрации одновременно ошарашивали и завораживали. Здесь были древние черепа необычной вытянутой формы, удлиненные головы египетских мумий, огромное количество архаичных изображений странных длинноголовых людей, найденные в разных частях света.

– Думаешь, инопланетяне? – заинтересовался Александр.

– Может, ты там в своем секретном отделе с инопланетянами запросто обедаешь, а мы, простые ученые, предпочитаем более приземленные версии, – не удержался от язвительности профессор. Его глаза по-мальчишески задорно сверкнули:

– Саш, ну признайся, видел инопланетянина?

– Как на духу: ни разу, товарищ профессор, – по-военному гаркнул полковник, и оба друга весело рассмеялись.

– Суть даже не в том, инопланетяне они или земные создания, – снова приняв серьезный вид, продолжил Алим. – Наши с Серафимой изыскания открыли передо мной, как историком, совершенно удивительную картину. Вероятно, в доисторические времена параллельно с нашими древними предками существовала более высокоразвитая раса. Собственно, скажу тебе, как другу, для многих археологов это – установленный факт. Как я уже говорил, мы слыш-

²⁷ Открытый лист — разрешение на право производства раскопок археологических памятников в России и СССР.

ком часто находим в самых старых культурных слоях предметы, характерные для более развитых цивилизаций. Но дело не только в археологических находках, вся доисторическая и ранняя историческая человеческая культура несет в себе следы влияния извне. Несмотря на географическую удаленность и разобщенность древних народов, некоторые элементы культуры возникали практически повсеместно. Например, культ змеи, зародившийся еще в период палеолита и существовавший в разные периоды древности во всех уголках земли, причем даже в регионах, далеких от мест массового обитания этих пресмыкающихся. Что такого необычного в этом тотеме? Почему разные народы в религиозных обрядах постоянно обращались к нему? Или символ, о котором ты упомянул, называемый славянами огневи́ком. Мы находим это изображение при раскопках самых ранних человеческих культур и тоже в территориально весьма отдаленных друг от друга районах. Трудно предположить, что у разных сообществ наших предков доминировал один и тот же графический образ без серьезной на то причины. Ну и пирамиды, конечно. В чем причина того, что пирамидальные сооружения, строительство которых сопряжено со значительными техническими сложностями, в древние времена возводились на всех континентах?

Когда профессор заговорил о пирамидах, у Александра невольно перехватило дыхание, словно кто-то резко ударил под диафрагму. Эта тема в его сознании прочно была связана с Серафимой. Очевидно, те же мысли овладели и его старым другом, поскольку хорошо поставленный профессорский голос невольно задрожал. Но Алим Назарович быстро справился с чувствами и продолжил:

– Форма пирамиды никак не проистекает из логики архитектурного удобства, но, невзирая на трудности, древние люди строили именно такие сооружения.

– И какое же всему этому может быть объяснение? – заинтересовался полковник.

– Одно время мне нравилась идея ноосферы, коллективного бессознательного, где существуют различные архетипы, определяющие поведение древних людей. Ты когда-нибудь слышал про «эффект сотой обезьяны»? Нет? История такая. Исследователи, изучавшие в 1952 году поведение макак на японском острове Якусима, обнаружили потрясающий феномен. Некоторые из обезьян научились мыть батат перед тем, как его съесть. Этот новый навык постепенно перенимался обычным образом, посредством наблюдения макак за соседними особями и повторения их действий. А вот далее произошло нечто удивительное: по достижении некоторого критического числа обученных макак («сотая обезьяна»), подобное поведение мгновенно распространилось на всю популяцию. Более того – макаки близлежащих островов, никак не связанные со своими соседями, тоже начали мыть батат²⁸!

После небольшой эффектной паузы профессор продолжил:

– К моему величайшему сожалению, это явление пока не подтверждено достаточным количеством достоверных исследований.

Полковник красноречиво взглянул на часы:

– Алим, все это очень интересно, но я надеялся, что ты мне поможешь разобраться с моими Нефилимами.

– Должен сказать, родившаяся у меня сейчас версия тоже подходит для передачи из цикла «Очевидное-невероятное», – самокритично признал профессор. – Итак, можно уверенно предположить, что в древности наряду с *Homo sapiens* на Земле существовал вид разумных существ с удлинёнными головами и, вероятно, какими-то другими физическими отличиями, обладающий обширными познаниями в различных областях. Был у них общий с нами предок, или это отдельная ветвь эволюции, а может, вообще инопланетная раса – этот вопрос сейчас мы обсуждать не будем. Очевидно одно: по сравнению с людьми их численность была значительно

²⁸ Впервые эта история была опубликована в книге Лоуренса Блэра «Ритмы виденья» (Blair Lawrence. Rhythms of Vision: The Changing Patterns of Belief, London, 1975).

меньше. Представь, что представители этой более высокоразвитой культуры по неизвестным нам причинам избрали своим символом змею. Они оказывали большое влияние на первобытные сообщества более низкоорганизованных собратьев. Ты можешь счесть меня сказочником, но в моем представлении все было именно так. Тогда становится понятным, почему люди издревле поклоняются богоподобным «змеям»: необычная внешность представителей другой расы – высокий рост и вытянутая форма черепа – делает их в глазах людей одновременно величественными и жуткими. И неудивительно, что в доисторические времена змеиный культ был практически повсеместным. Следует отметить, что на территории нынешнего Китая, а также в Африке, Северной и Южной Америке образ змеи имеет исключительно позитивный и даже божественный характер. Китайцы издревле и по сей день почитают драконов, сочетающих в себе силу и мудрость. Многие верховные боги древних индейских племен змееподобны (Пернатый Змей – Кецалькоатль у ацтеков, Кукуклан у индейцев майя). В сотнях африканских легенд описана раса похожих на рептилий существ – читаури («те, кто диктует закон»), правивших миром на протяжении тысячелетий. Читаури обладали способностью менять свою форму и вступать в «браки» с людьми.

– Но если это была целая высокоразвитая цивилизация, то следы ее деятельности должны находить по всей планете в куда большем количестве. Или ты намекаешь на пресловутую затонувшую Атлантиду? Ты у нас историк, конечно, тебе виднее. Но даже я знаю, что, вопреки всем усилиям сторонников этой гипотезы, пока не найдено никаких значительных следов существования подобной цивилизации. Или их тоже скрывают твои академики?

– Знаешь, давай не будем сейчас вдаваться в проблему поиска Атлантиды. На карте Земли с точки зрения археологии по-прежнему еще слишком много белых пятен. Троя, Шумер, Хараппа – все эти открытия сделаны сравнительно недавно, не говоря уже об Аркаиме. И в наши дни вполне возможны сенсационные археологические находки. Например, подводные пирамиды близ японского острова Йонагуни вполне могут оказаться руинами неизвестной нам цивилизации древности. Хотя, конечно, возможны и другие варианты. Например, большая часть их построек могла быть скрыта в подземных пещерах. Следует заметить, что многие божества и чудовища, связанные с образом змеи, хтонические, то есть выходцы из подземного мира. Под землей найдены целые огромные системы туннелей в самых разных частях света. Многие известные ныне пещерные комплексы могут похвастать легендой о том, как в древности там жили змееподобные чудовища. Десятки, а то и сотни пещер по всему миру с древности носят название «змеиная». Индейцы Перу и по сей день рассказывают легенды о людях-змеях, населяющих подземные лабиринты. Может быть, эта гипотетическая высокоразвитая раса по каким-то причинам обитала исключительно в пещерах? Потому и не найдено никаких ее следов ни на земле, ни в океанах?

У Александра тут же появились соображения на этот счет, но он предпочел их оставить при себе. Он давно заметил тягу Нефилимов к всякого рода подземельям. Возможно, в древности они действительно были отдельным сообществом людей, живших исключительно в пещерах и подземных постройках? Четкий, склонный к систематизации ум полковника тут же собрал воедино ряд разрозненных фактов. Неужели Нефилимы – наследники этого загадочного подземного «народа»? Мда, слишком фантастично... Но не невозможно.

– Кстати, заметь, – между тем продолжал профессор, – драконы и змеи – самые распространенные в мировом фольклоре стражи сокровищ. Под сокровищами мы, разумеется, имеем в виду не драгоценности, а источник знаний или бессмертия.

Последние слова профессорского монолога особенно заинтересовали полковника.

– То есть у многих древних народов были представления о том, что змеи – охранники не просто клада, а какого-то нематериального сокровища?

– Конечно. Давай обратимся к авторитетному источнику. У Мирча Элиаде²⁹ мы читаем: «Змеи, драконы ... охраняя сокровища, всегда сторожат пути к бессмертию, ибо золото, алмазы и жемчуг есть символы, воплощающие в себе сакральное начало и дарующие силу, жизнь и всеведение».

– А словосочетание «Санктус игнис» о чем тебе говорит? Может Священный огонь быть тем сокровищем, дающим силу и бессмертие?

– Знаешь, огонь вообще символ бессмертного, божественного. Возьмем описание престола Божия в Ветхом Завете: «...престол Его как пламя огня, колеса Его - пылающий огонь...»³⁰ Материальным символом верховного бога древних славян Сварога считался огонь, который был священным для наших предков. Ведический бог Агни — и вовсе прямая персонификация Священного огня: «Пусть Агни, включающий в себя всю силу Богов, знающий все от рождения мира, станет дарителем блага и ведет нас в своем знании к тому блаженству, которым наслаждаются боги, и к их бессмертию»³¹. Параллели мы находим и в других религиях. В Авесте³² говорится: «Тебя Огонь... Святого Владыку Закона почитаем мы».

Профессор неумолимо сыпал цитатами, но Александр уже не вслушивался в его слова. Главное он понял: Змеи испокон веков охраняют величайшее сокровище Духа, Санктус игнис, атрибут божественности, символ бессмертия. Все сходится. Кстати, пресловутый Василиск, «царь змей», тоже, по преданиям, охранял драгоценный клад. Его коллеги, выдумав для Нефилимов такое название, случайно угодили в точку.

Кое-что в речи профессора вновь заставило полковника встрепенуться:

– В Ведах описан особый инструмент для разжигания Священного огня – арани. Он имеет форму свастики, завернутой по часовой стрелке – древнейшего символа в истории человечества.

– То есть, свастика, или огневик – символ того самого сокровища, Санктус игнис? – переспросил Александр.

– Не столь очевидно, но вполне возможно, – согласился Алим.

– Итак, что мы имеем? – попытался подытожить размышления друга полковник. – Представители древней высокоразвитой цивилизации с доисторических времен делятся с людьми знаниями, в то же время охраняя некий источник силы и бессмертия, обозначаемый знаком огневика – в результате чего повсеместно возникает культ змеи, имеющий двойное значение и свастические рисунки. Их последователи просуществовали до наших дней, по-прежнему оставаясь стражами этого нематериального сокровища. Они обладают неизвестной никому более техникой владения особыми древними кинжалами и некоторыми сверхъестественными способностями. Они убили Серафиму... Послушай, кстати, а при чем тут пирамиды? Ты говорил, что повсеместное наличие пирамид – это еще одна загадка.

– Я еще не думал об этом. Нам бы здесь очень помогла Серафима, если уж кто и знал все о значении пирамид, то это она. Я собираюсь в ближайшее время посетить Египетский музей в Каире, именно там, по ее словам, она нашла нечто интересное. А сейчас могу только высказать одно предположение...

– Ну давай, не тяни, – попросил Александр.

– Не знаю, насколько верна моя догадка, но пирамиды как-то связаны с источником силы, называемым Санктус игнис. Во многих древних культурах эти сооружения, так или иначе,

²⁹ Мирча Элиаде — румынский писатель, историк религий и исследователь мифологии. Профессор Чикагского университета с 1957 года, автор более 30 научных, литературных и философских трудов, переведенных на 18 языков мира.

³⁰ Дан 7:9-10; ср.: Отк 4:2-5

³¹ Ригведа, стих 19-20.

³² Авеста — собрание священных текстов зороастрийцев, старейший памятник древнеиранской литературы. Цитата из XVII главы книги Ясна.

ассоциируются с огнем. Само название – пирамида – произошло из древнегреческого языка и может быть переведено, как «огонь в сердцевине».

– То есть пирамида – место, где хранится это загадочное сокровище? – уточнил полковник.

– Скажем так: возможно, это место, где сокровище становится доступным. Слушай, у тебя ведь есть возможность получить бумаги Серафимы?

– Ты хочешь, чтобы я отдал их тебе? Это поможет разобраться?

– Возможно, – кивнул профессор.

– Хорошо, в ближайшие дни их доставят. Алим, а что ты думаешь о богах, существующих в наши дни? – задал он вопрос просто из любопытства.

– Ну... Теоретически возможно, что потомки той древней высокоразвитой расы дожили до настоящего времени. Хотя, в целом, мало правдоподобно, за столь долгий период они должны были уже полностью ассимилироваться. Ты встречал на улицах длинноголовых людей? Скорее я бы поверил, что некие представители тайной элиты человечества называют себя богами...

В историю про игру богов полковник и сам не особенно верил, хотя не мог отрицать, что за всеми мировыми политическими событиями стоят силы, о которых мало что известно. Александр давно полагал, что весь мировой театр функционирует, исходя из интересов, прежде всего экономических, узкого круга людей, охваченных идеей мирового господства. Но боги, пользующиеся неведомой силой сверхъестественного порядка? Это даже для начальника Управления «Н», привычного к всевозможным фантастическим явлениям, было слишком. Однако некий источник удивительных способностей – Санктус игнис и охраняющее его с древности сообщество Змеев-Нефилимов существуют. Почему не может быть правдой и все остальное?

– А кстати, что случилось с той древней технической штукой, которую вы откопали рядом со скелетом? – поинтересовался полковник.

Алим явно колебался, но Александр терпеливо и непреклонно ждал ответа.

– Да ничего с ней, в общем-то, не случилось, – наконец, признался профессор. Он достал с полки старую обувную коробку, театральным жестом сдул с нее пыль и открыл крышку.

Александр заглянул внутрь.

– Черт, я знаю, что это такое! – вырвалось у полковника прежде, чем выработанный годами службы рефлекс заставил его умолкнуть.

Глава третья Образ Бога

Ты все знаешь. Ты всегда все знал. Но ты пройдеши полмира. Прочтешь сотни книг. Сменишь десятки учителей. И только тогда поймешь, что никуда ходить не надо, что все книги об одном, и учитель тоже один, и Он – внутри тебя.

Ошо

Александр, 1993 год

Догадка, которая пришла на ум Александру взгляде на «эту штуку» – артефакт, найденный студентами Алима – поразила его самого. Дело в том, что совсем недавно он видел внешне очень похожее устройство – на столе Самуила Федоровича, эксперта по оружию. Александр тогда лишь мимоходом полюбопытствовал, что это такое, но его фотографическая память запечатлела незнакомую конструкцию во всех деталях.

– Это, Александр Игнатьевич, прямо-таки фантастическая штука, – признался тогда эксперт, – практически гиперголоид инженера Гарина.³³

Ученый жаждал поделиться подробностями, но полковнику, чья служба и без того нередко напоминала бредовый сон, хватало и собственных впечатлений. Он тогда сослался на спешку и ушел, и теперь очень жалел об этом.

У Александра был официальный повод лично посетить лабораторию – он хотел получить из первых рук новую информацию по загадочным кинжалам, которых благодаря успешным действиям Вышниекова, оказалось теперь целых два. И он был уверен, что обожающий всяческие загадки эксперт не откажется взглянуть на древнюю окаменелость, поразительно напоминающую суперсовременное устройство.

Но когда Александр вошел в лабораторию, прижимая к себе обувную коробку, позаимствованную у Алима вместе с загадочным содержимым, там царил хаос. Лаборанты в белых халатах металась по большому, залитому светом помещению, вороша бумаги, открывая подряд все ящики и контейнеры, роняя колбы и реторты. Двое охранников стояли неподвижно в дверях, соревнуясь белизной лиц со стеной за их спинами. Увидев полковника, они явно возжелали и вовсе раствориться в пространстве. В углу, возле вытяжного шкафа в удобном вращающемся кресле сидел Самуил Федорович, с буддистским спокойствием взирающий на нарастающую энтропию вокруг. Увидев полковника, он без всяких предисловий философски пояснил:

– Кинжалы пропали.

Александр молча поднял брови, ожидая более подробных разъяснений.

– Вечером положил кинжал в сейф, сигнализация, камеры – все как обычно, а утром открыл дверцу – нет наших артефактов, – пожал плечами ученый.

Полковник знал, что служебная инструкция приписывает ему в этой ситуации немедленно доложить вышестоящему руководству об инциденте и затем провести тщательное расследование, начав с допросов персонала. Но он решил немного отложить неприятные процедуры, будучи уверенным, что они все равно ни к чему не приведут.

Он прошел через лабораторию в кабинет Самуила Федоровича и жестом поманил туда хозяина, приглашая уединиться для приватной беседы.

– Ладно, кинжалы исчезли, мы полагали, что так случится. Но тебе удалось узнать о них еще что-нибудь? Второй отличается от первого?

– Нет, они абсолютно идентичны, как однояйцевые близнецы. О самих кинжалах, как оружию могут подтвердить лишь то, что сказал тебе в прошлый раз – это не просто орудия убийства, они могут служить самым разным весьма неприятным целям. Но это только, как говорится, цветочки. Я буквально заинтригован их формой и рисунками! Это не просто элементы украшения, в них есть определенный ритуальный смысл.

³³ «Гиперголоид инженера Гарина» – фантастический роман А.К. Толстого, вышедший в 1927 году. Согласно сюжету, русский инженер Петр Гарин создал «гиперголоид» — аппарат, испускающий тепловой луч огромной мощности, способный разрушить любые преграды.

– Ну, мы же сразу с тобой так и решили. У тебя новые появились интересные мысли на этот счет?

– Честно говоря, не знаю, насколько они тебе покажутся интересными. Я уже тебе говорил, что огневик, изображенный в центре рукоятки, – очень древний символ. В 1874 году доктор Генрих Шлиман обнаружил подобные рисунки во время раскопок легендарной Трои. Позднее он проследил эволюцию схожих изображений в других цивилизациях и доказал, что этот знак в равной мере свойственен многим древним культурам. Я нашел материалы еще нескольких исторических исследований на эту тему, но никто не сделал попытки объяснить, почему при отсутствии явных культурных связей между народами на заре человечества, они все с завидным постоянством использовали один и тот же символ. Потом я наткнулся на свастику в эмблеме Теософского общества Блаватской. Та считала ее символом Древних Рас, существовавших до человечества³⁴. Примечательно, что свастика на эмблеме сочетается с кольцеобразным змеем, заглатывающим свой хвост, Уроборосом³⁵, по общепринятой версии символизирующим цикличность времени. Однако в Древнем Египте этот символ наносился на стены гробниц и обозначал стражника загробного мира. Вообще змей очень часто выступает в этом значении – страж. Изображение змеи рядом со свастикой – почти столь же распространенное явление, как и сам знак огневика. То есть, согласно логике древней символики, существует божественное нечто и страж, который его охраняет. Ничего тебе эта идея не напоминает?

Александр подивился прозорливости эксперта, пришедшего к тому же выводу, что и он сам, на основании куда более скудной информации.

– Ты утвердился в мысли, что наши Нефилимы – и есть древние стражи-змеи? И что, по-твоему, они охраняют?

– Практически всюду, насколько это известно историкам, свастика связана с огнем в его божественной ипостаси. Бог Агни у индусов, «огнивец» у древних славян, слияние Небесного огня и огня Земного у североамериканских индейцев. Осталось понять, что это за огонь? Известный теософ Анни Безант говорит: «Свастика символизирует вихревую энергию, создавшую вселенную»³⁶. Допустим, есть некое место или предмет, символически обозначаемый как огневик, дающий мистическую власть над миром посредством управления этой вихревой энергией или как-то еще. Я не говорю, что такая власть действительно возможна, но в древности люди верили и в более странные вещи. Могла ли сохраниться традиция оберегать этот мифический источник до наших дней? Исходя из того, что наши Нефилимы точно существуют, подобная версия, как мне кажется, вполне реальна. Что скажете, полковник?

Александр не знал, что ответить. Можно было предположить, что Самуил Федорович рано или поздно докопается до истины. Полковника волновал лишь один вопрос: не ставит ли это знание под угрозу жизнь пожилого ученого? Он решил, что самое время переключить внимание эксперта на другую загадку и открыл принесенную с собой коробку. Как и ожидалось, тот ахнул:

– Силы небесные! Где ты это взял?

– Археологи нашли, еще лет семь назад. И, как ты понимаешь, никому не показали, – лаконично ответил полковник. И нетерпеливо поинтересовался:

– Тебе это ничего не напоминает?

– Ну, я бы сказал, что этот предмет сделал тот же мастер, что и наши кинжалы.

– Да? Почему? – удивился полковник, ожидавший совсем другого ответа.

³⁴ «Мы находим Свастику, возглавляющую религиозные символы каждой древней народности... Свастика несомненно является одним из древнейших символов Древних Рас». Блаватская Е. П. «Тайная Доктрина» т.2

³⁵ Уроборос, «змей, пожирающий свой хвост» – один из древнейших символов, известных человечеству, установить точное происхождение которого считается невозможным.

³⁶ «Теософия и Миссия теософского Общества», Владивосток, 1921

– Ты видишь, какой орнамент? Рисунок, конечно, совсем не такой, как на кинжале, но та же импоссибилическая игра с пространством, то же искусное переплетение линий.

– Точно, теперь я вижу, – согласился Александр. – Но вообще-то я имел в виду форму. Она весьма напоминает тот «гиперболоид», который я видел у тебя с месяц назад. Что это было?

– Это был, – медленно и со значением заговорил эксперт, не отрывая взгляд от лежащего перед ним артефакта, словно что-то мысленно на него примеривая, – результат новейших секретных разработок в области лазерного оружия. Экспериментальный образец, уникальный, единственный в мире.

– Может, не совсем единственный? – кивнув на окаменелость, не удержался от мрачной шутки Александр. – Изложи мне все, что ты знаешь на эту тему.

Однако, вспомнив о склонности ученого к многословию, тут же поправился:

– Только очень кратко, у нас мало времени.

– Хорошо, попробую покороче, – кивнул эксперт. – Идея оружия, способного поражать цель на расстоянии при помощи направленного излучения, очень древняя. В двух произведениях византийских ученых сохранилось описание «зажигательного зеркала», которое, якобы, создал Архимед в 212 году до новой эры для обороны Сиракуз от осаждавших этот город римских войск и с помощью которого были сожжены корабли знаменитого полководца Марцелла. Марцеллу удалось овладеть городом лишь благодаря измене его жителей. Кстати, Архимед погиб во время разграбления Сиракуз римлянами.

– Федорыч, извини, но давай сейчас без своей Византии, только то, что относится к делу, – поторопил полковник.

– Я стараюсь, – улыбнулся эксперт. – Ладно, перейдем к более близким нам временам. В начале XX века экспериментами по передаче энергии на расстояние занимался Михаил Михайлович Филиппов. Он изучал ультракороткие волны длиной около миллиметра, которые получал с помощью искрового генератора. Филиппов утверждал, что нашел способ преобразования энергии взрыва в узкий пучок ультракоротких волн и собирался обнародовать этот метод. Но 12 июня 1903 года ученый был найден мертвым в своей лаборатории. Известный французский популяризатор науки Жак Бержье считал, что убийство Филиппова было осуществлено царской охранкой по указанию царя Николая II, дабы опасная технология не попала в руки революционеров. Надо заметить, что и по сей день свойства ультракоротких волн исследованы далеко не полностью, и было ли открытие Филиппова реальностью, никто точно сказать не может. Следующий этап в истории создания лучевого оружия еще более примечателен, поскольку связан с именем Николы Тесла. Этот ученый оставил такой глубокий след в умах современников и потомков, что его даже сравнивали с богом. В 1934 году Никола Тесла обнародовал свою работу над проектом Teleforce – так он назвал излучатель пучка заряженных частиц. Пресса окрестила их «лучами смерти». Тесла считал, что ему удалось создать «супероружие, которое положит конец войне». Вокруг этой истории было так много слухов и мифов, что найти истину не представляется возможным. Однако факт, что технические детали спроектированного Теслой устройства нам неизвестны. В послевоенные годы все военные ведомства мира буквально бредили идеей лучевого оружия. В СССР самым удачным был проект «Терра-3». Это огромная лазерная установка, построенная в Казахстане, в местечке Сары-Шаган в конце 60-х годов. В США в то же время проводились работы по созданию боевого лазерного луча, программа под названием «Восьмая карта». К настоящему моменту лазерные установки той или иной степени эффективности уже разработаны и у нас, и в США. Но портативное лазерное оружие все еще остается технологией будущего.

– Подожди, но я же видел у тебя эту штуковину, и ты назвал ее фантастикой, – перебил эксперта полковник.

– Вот именно, фантастикой, – подхватил ученый. – Собственно, проблема создания такого оружия в том, что для получения лазерного луча достаточной мощности необходима огромная энергия. Сделать столь емкие элементы питания на основе ныне существующих технологий невозможно. Мы ранее уже тестировали прототипы лазерного пистолета и лазерного револьвера, и практические опыты, произведенные нашими конструкторами, показали недостаточную мощность и эффективность образцов. То, что ты видел – оригинальная инженерная разработка ручного боевого лазера. Это устройство принес нам один мастер-самоучка.

– И что, оно тоже не работает? – спросил Александр.

– Да нет, работает, в том то и дело. Но только в руках своего создателя. Парень этой штукой запросто пробивает дыры в бетонных блоках и срезает металлические стержни, как масло. Но никто другой заставить устройство работать не может.

– Так вы потряхните самоделкина посильнее, наверняка он просто скрыл от вас детали пускового механизма.

– Да уж поверь, ему у нас устроили допрос с пристрастием, но толку не добились. А наш инженер разобрал его лазер буквально по винтикам и развел руками. По его мнению, устройство вообще не должно работать, поскольку упомянутого элемента питания там нет вовсе. Вместо него какая-то тонкая металлическая закрученная сетка, напоминающая по форме песочные часы.

– Может, этот мастер имеет доступ к каким-нибудь новым технологиям. Он вообще где работает? – подозрительно прищурился полковник.

– Да в аптеке он работает, высшего образования не имеет и вообще физики не знает. А гиперболоид этот, говорит, ему во сне приснился.

– И что ты об этом думаешь?

– Да я не знаю, что и думать, – развел руками эксперт. – Хотя... Нет, это нелепо!

Самуил Федорович умолк на полуслове.

– Нет уж, договаривай, – подбодрил его Александр. – Самая абсурдная идея лучше, чем никакой.

– Ну, этот парень, когда его спрашивали, что он делает, чтобы запустить штуковину, в основном, пожимал плечами, мол беру в руки, нажимаю, она работает и все. И только один раз у него вырвалось слово: мантра. Никто не обратил внимания на его завывания в момент включения гиперболоида, поскольку они вроде как к делу не относятся.

– Мантра – это что-то типа заклинания у йогов?

– Упрощенно можно и так сказать.

– То есть он читает заклинание – и лазер работает? Полная ерунда!

– Да я, в общем-то, согласен. Но если рассматривать мир, как танец энергии, состоящий из различных вибраций, то можно допустить, что создаваемые мантрой звуковые волны при определенных условиях способны повлиять на материальное устройство. Я много об этом думал, и мне на ум пришла вот такая аналогия. Есть в индуизме такой ритуальный предмет – ваджра, что в переводе с санскрита означает «молния». В индийской мифологии ваджра является оружием бога Индры. Действие этого орудия описывается, как очень разрушительное, «подобное молнии». Кстати, заметь, в ритуальных церемониях ваджра обычно применяется в паре с колокольчиком – то есть предметом, издающим звук определенной частоты. Вот, посмотри, как выглядит ваджра.

Эксперт достал с полки несколько книг и, ловко манипулируя цветными закладками, раскрыл на нужных страницах.

– На наше устройство не особенно похожа, – тут же вынес вердикт полковник.

– Подожди, не торопись, – покачал головой ученый, раскрывая еще одну книгу. – А вот это древнее изображение скандинавского мьёльнира, молота Тора, считавшегося северным аналогом ваджры.

Александр с изумлением уставился на картинку. Если не обращать внимания на разницу в рисунке орнамента и закрыть глаза на отсутствие технической начинки мѣльнира, то совпадение его формы с древним артефактом было потрясающим.

Между тем Самуил Федорович не прекращал вещать:

– Тор в скандинавской мифологии – бог грома и бури, защищающий богов и людей от великанов и чудовищ. А в звучании слова мѣльнир явственно читается «молния». Мифы с участием Тора повествуют о неограниченных разрушительных возможностях его молота. И если мы отбросим некоторые наши представления о древней истории и о законах физики, то получится...

– Что перед нами настоящий молот Тора, – закончил фразу Александр, – древнее лучевое оружие, приводимое в действие силой мысли, заклинанием или, черт возьми, звуком колокольчика. Звучит, как полный бред! Но я уже давно утратил чувство реальности.

– Возможно, древние боги не были вымыслом наших благоговеющих перед мощью и величием природы предков, – задумчиво проговорил ученый. – Образы богов могли родиться в результате общения с вполне реальными существами вот с такими штуками в руках.

Иван, 1993 год

Указанный мамой населенный пункт оказался даже не маленьким городом, а, скорее, большим поселком. Когда я приехал туда из областного центра на натужно пытящем автобусе, уже стемнело и вдоль заснеженных улиц, состоящих из панельных пятиэтажек, горели фонари. Найти монастырь оказалось не так просто: останавливаемые мною редкие прохожие лишь недоуменно пожимали плечами, а то и вовсе хмуро отворачивались. Я решил отложить дело до утра и отправился искать гостиницу, что оказалось куда как проще. Номер показался мне убогим и холодным, но уставший с дороги, я не обратил на скудость обстановки особого внимания, просто повалился на кровать и уснул.

Утром выяснилось, что по местному времени проспал я довольно долго. Причиной тому была и усталость после перелета, и то, что утра, как такового еще не было – в этом уголке мира февральский день был удивительно коротким, и рассвет еще только ожидался. Администратор в гостинице не могла меня порадовать информацией о монастыре, но дала хороший совет: обратиться к батюшке в местной церкви.

Хотя в последние годы отношение к религии в нашей стране стало меняться, и храмы заполнились изголодавшимися по духовной вере людьми, я считал себя атеистом. Серафиме каким-то чудом, вопреки протестам отца, удалось окрестить меня в младенчестве, но я считал этот факт не более чем забавной причудой своей рыжеволосой тетки.

На порог храма я вступил не без робости, поскольку этот мир и царившие в нем порядки были мне неведомы. В церкви заканчивалась утренняя служба, слышалось пение, перемежаемое зычным голосом священника, произносящим непонятные, но красивые и мелодичные фразы.

Отойдя в дальний угол, я оказался лицом к лицу с ликом Богоматери, которую без труда узнал, несмотря на крайнее свое невежество в данном вопросе. Перед иконой горели несколько свечей. Дожидаясь окончания службы, я разглядывал строгие черты той, что, согласно христианскому учению, произвела на свет божественного сына. И вдруг с удивлением заметил, что нахожу в них едва уловимое сходство с другим лицом, лицом, виденным мной лишь на фотографии. Мама. С тех пор, как я прочитал письмо, меня не покидало постоянное ощущение ее присутствия в моей жизни. Она, такая близкая и в то же время практически незнакомая, волновала мои чувства и почти полностью занимала мой ум в эти дни. Жива ли она? Сумею ли я ее отыскать? А если найду – какой будет наша встреча после стольких лет разлуки?

От мыслей меня оторвало неожиданное оживление, происходящее вокруг. Прихожане стали стягиваться к центру храма. Я заинтересовался происходящим и тоже подошел, но ничего не увидел.

– Что происходит? – спросил я полную женщину в зеленом шарфе с люрексом, стоявшую рядом.

– Тихо! – шикнула она на меня. – Сейчас отец Сергей проповедь станет читать.

Вытянув шею, я увидел в центре толпы дородного священника с окладистой бородой и длинными, припорошенными сединой волосами. Он заговорил, и сочный красивый бас разнесся эхом в тишине под высокими сводами. Люди вокруг, казалось, боялись дышать, чтобы не пропустить ни слова из речи священника.

– «Если не увижу – не поверю», – возразил Фома в ответ на радостные заверения других апостолов Христа, что они видели своего распятого и мертвого учителя воскресшим. Когда явился Христос и повелел Фоме: «Тронь, осязай меня, убедись», Фома воскликнул: «Господь мой и Бог мой!» На что Христос ответил: «Ты поверил, потому что ты увидел Меня. Блаженны

те, которые не видели и поверили»³⁷. К сожалению, в наши дни миллионы людей придерживаются точки зрения неверующего Фомы. Строго научный подход к миру называется в наши дни прогрессом, трактуется как величайшее достижение человечества.

Но Христос говорит: «Блаженны не видевшие и поверившие». Основой получения научных данных являются наблюдения и эксперименты. Все остальные способы восприятия мира – а им несть числа – в расчет не принимаются. Такой упрощенный подход ко всему сущему приводит к тому, что мы живем в мире скудном, одномерном и бесконечно скучном.

Если мы знаем только то, что видим, можем осязать, измерить, проанализировать, то как же мало наше знание! Прежде всего, отпадает то удивительное знание, что веками было укоренено не во внешнем эмпирическом опыте, а в другой способности человека – чудесном и, пожалуй, действительно необъяснимом даре, отличающим его от всего прочего в мире, делающим существом особенным, единственным. Измерять, считать, даже предсказывать может не только человек, но и искусственный разум, машина. Но есть в нас нечто, недоступное никакому искусственному интеллекту – способность удивляться, восхищаться, умиляться, познавать изумительную красоту и гармонию мира посредством чувств и выражать ее не в формулах, а в картинах, симфониях, поэтических строчках. Эмпирический опыт – самый низший, самый элементарный вид знания. Он полезен и необходим, но сводить к нему всю способность человека познавать и постигать – то же самое, что красоту полотна художника приравнивать к химическому анализу красок.

Нам остается только пожалеть Фому и вместе с ним всех тех, кто низводит свою способность восприятия мира к прямому видению и ощущению. Наша вера не есть противоположность науке, напротив, она – высшая форма знания, отражающая богатство и сложность мироздания. Да, мы не видим Бога, но мы способны его ощущать, купаться в лучах его благодати и взирать на мир более глубоким и духовным образом, нежели только глазами разума...

Несомненно, отец Сергей обладал редким даром красноречия. В начале проповеди я почувствовал себя в роли «Фомы неверующего» и хотел даже выйти из храма, но невольно заслушался. И хотя не готов был согласиться с тем, что вера – высшая по отношению к науке форма знания, но ощутил волнующую красоту момента единения, когда все прихожане, затаив дыхание, согласно внимали словам своего красноречивого пастыря. Прежде мне казалось, что религия – это просто некий мистифицированный, мифологизированный образ мыслей, чуждый логики и объективного смысла. Но чем дольше вслушивался я в полный разнообразных модуляций голос священника, тем дальше отступал разум, уступая место новым волнующим ощущениям. За непрекращающимися струями бурной реки мыслей я вдруг обнаружил изумительную, бездонную глубину покоя. Там не было ясной истины, не было ответов на мои вопросы, там было избавление – от извечного беспокойства разума, от попыток все осмыслить и всему найти разгадку. И, в первые минуты с нетерпеливым раздражением ожидавший окончания действия, теперь я уже сожалел, что служба так быстро закончилась и неспешный, но плотный поток прихожан отеснил меня к стене, выдернув из нового для меня удивительного состояния.

К священнику пробиться было почти невозможно, его окружили страждущие с различными вопросами и просьбами. Ждать пришлось довольно долго. Наконец, отец Сергей сам подошел ко мне, почти задремавшему в углу с вопросом:

– С чем ты пришел сюда, сын мой?

Я объяснил священнику, что меня интересует местонахождение монастыря.

– Женский монастырь? Есть в наших краях такой, – пробасил батюшка. – Только он не здесь, до него еще километров сорок ехать надо.

³⁷ Иоан. 20:25-28

– Вы не могли бы объяснить дорогу? – попросил я.

– Конечно, – кивнул отец Сергей. – А к чему тебе туда? Монахини чужих не любят, могут и не принять.

– Я ищу свою маму, – ответил я, и сбивчиво в общих чертах поведал ему о письме.

Священник задумался, затем неожиданно спросил:

– Машину водить умеешь?

Несмотря на скромный опыт вождения, по словам отца, выходило у меня неплохо, так что без тени сомнения ответил:

– Да.

– Хорошо, тогда возьми мою коняшку, автобусы туда не ходят. А как ехать, я тебе сейчас нарисую.

Сперва я испугался, что батюшка предлагает мне поехать на лошади. Но «коняшкой» оказалась крепкая «Нива», которая, по его словам, «как нельзя лучше по здешнему бездорожью». Изумленный щедростью человека, готового одолжить машину первому встречному, я смог лишь скупой поблагодарить. Перед дорогой отец Сергей пригласил меня к себе выпить чаю, и я, преисполненный благодарности, не нашел повода отказаться, хотя в обществе священника чувствовал себя неловко.

В небольшой избушке, притулившейся позади церкви – жилище отца Сергея – было жарко натоплено. Чай оказался ароматным и вкусным, к нему полагались суховатые баранки и прозрачный янтарный мед. Я опасался, что хозяин непременно заведет разговор о своей вере, которой я не разделял. Не хотелось обижать доброго священника, но и слушать разглагольствования о Боге мне, студенту физфака, «Фоме неверующему», казалось нелепым. Желая предотвратить неизбежное недоразумение, я начал первым:

– Отец Сергей, вы уж меня простите за откровенность, но я приверженец той самой науки, что вы считаете «низшим знанием». Я верю лишь в экспериментально доказуемые вещи, так что, если вы не против, побеседуем на отвлеченные темы...

– А ты думаешь, я тебя позвал пить чай, дабы непременно начать обращать в свою веру, – отец Сергей засмеялся раскидистым басом. – Да ты пей чай спокойно и баранки вот ешь. Служба в храме закончилась, сейчас я обычный усталый дядька, мне скучно чаевничать в одиночку, да любопытно, что ты за человек, вот я тебя и пригласил.

– И как же вы узнаете, что я за человек?

– А ты расскажи о себе. Есть у тебя, к примеру, цель в жизни?

Я неохотно начал отвечать, постепенно увлекаясь:

– Я учусь на физфаке и планирую заниматься ядерной физикой. Но смысл жизни мне видится, конечно, шире. Может быть, это прозвучит высокопарно, но мне хотелось бы привнести в этот мир больше справедливости. Современный уровень науки и техники уже позволяет превратить эту планету в рай для всех на ней живущих. В то время как сейчас жизнь на ней местами скорее напоминает ад.

– Рай в библейском смысле слова? – попросил уточнить священник.

– Библии я не читал, – смутился я.

– А между прочим зря, весьма поучительно, хоть бы даже и для студента физфака. Ну, так как же?

– Употребив слово «рай», я имел ввиду его более приземленное употребление. Мир без войн, голода, болезней, преступлений, ненависти, страданий.

– Это все отрицательные характеристики, то, чего нет, – подчеркнул отец Сергей. – А что есть в твоём мире?

– Справедливая демократическая система управления, отсутствие привилегий, свобода самовыражения и творчества, грамотное распределение ресурсов...

– Это слишком общие категории, опиши конкретнее, – настаивал мой собеседник.

Я задумался над тем, каким на самом деле бы я хотел видеть окружающий мир? Отец Сергей, между тем, не дожидаясь окончания моих размышлений, заговорил снова:

– Если бы ты выбрал предметом изучения не физику, а философию, то знал бы, что сейчас идешь в полной темноте даже не по протоптанной до тебя тропинке, а по заасфальтированному проспекту. Альтруистически настроенные умы во все времена создавали утопии. Знаешь, что означает это слово?

– Конечно, утопия – это идеальная модель чего-либо, – уверенно ответил я.

– Точное значение этого слова в переводе с древнегреческого – «место, которого нет». Ты видишь, в самом слове уже заложена оценка перспективы подобных попыток, – парировал священник.

– Хорошо, пусть создать идеальный мир невозможно, но сделать его лучше мы точно можем.

– О, вереница имен тех, кто хотел сделать мир лучше длинной во всю историю человечества. Думаю, нет необходимости их называть? Видишь ли, сынок, люди, которые стремятся изменять мир, делают это, исходя из собственных представлений о благе. Возьмем, к примеру, последнее столетие в нашей многострадальной стране. Уровень жизни большей части населения царской России начала прошлого века оставлял желать много лучшего. Конечно, когда большинство трудится, не вылезая из нищеты и болезней, а меньшинство за их счет ведет праздный образ жизни, купаясь в роскоши – эта ситуация вызывает в просвещенных умах справедливый гнев и желание кардинально изменить миропорядок. Революция, несомненно, была инициирована из самых благих побуждений, но к чему она привела? К войне, голоду, разрухе и в результате – ничуть не более справедливому режиму. Могло ли быть иначе? Нет, поскольку революционеры по сути своей – разрушители. Захватив власть, они уже не могли ее отдать тем, кто способен не только ломать, но и строить. Отказаться от власти может только тот, кто к ней в принципе не стремится. Далее. Эпоху Сталина мы пропустим, поскольку этот человек был охвачен не заботой о благополучии народа, а только параноидальным страхом утраты власти и собственной значимости. Тебе, к счастью, не довелось жить в тот период. Возьмем уже более близкую тебе так называемую перестройку. Основной идеей этой масштабной государственной реформы был переход к демократическому, справедливому и гуманному социальному устройству. Что мы имеем в результате? Распад СССР, гражданские войны, законодательный хаос, экономическую и социальную деградацию...

– Вот именно, – запальчиво заговорил я, – разве этот мир, будь он творением Создателя, стал бы таким: полным жестокости, лжи, боли, ненависти? Почему тогда нельзя было придумать мир, наполненный счастьем, любовью, творчеством?

– Именно таким он и был задуман. Я не стану рассказывать тебе о Дьяволе, ты этой идеи сейчас не примешь. Но подумай вот о чем: жестокость и извращенность нашего мира должна стать не предметом осуждения и неприязни, а уроком, приближающим к пониманию сущности зла, это повод для укрепления духа в праведности, а не для унижения его в мести.

– И чем мне поможет эта праведность, когда вокруг творится насилие и несправедливость? Разве с таким положением вещей не нужно бороться?

– Ты считаешь материальный мир единственным реально существующим, – вздохнул священник, – но на самом деле он лишь воплощение более тонкого и совершенного прообраза. Современная физика признает, что частиц материала как такового не существует – есть только разнообразные проявления энергии. То, что мы воспринимаем, как элементарные частицы и их фундаментальные взаимодействия возникает в результате движения того, что материей в ее классическом смысле не является. И физики прозрели то, о чем многие оккультисты говорят веками: мир более многомерен, чем доступно нашему восприятию. Причем многомерен не в геометрическом, а – скажем так, чтобы тебе было понятнее, – энергетическом смысле. Нам доступна только одна грань реальности, проекция многомерного мира энергии Духа и

постичь посредством созданных в трехмерном мире средств и понятий реальность целиком мы не сможем. Но наука по-прежнему желает видеть взаимосвязь только видимых, наблюдаемых в нашем измерении явлений и считать каждый физический феномен следствием исключительно другого физического феномена.

– Отец Сергей, Вы священник, а такие рассуждения скорее подошли бы ученому.

– А разве ученый не может быть священником? – лукаво прищурился отец Сергей и, не дожидаясь моего вопроса, продолжил:

– Я тоже в свое время окончил физический факультет университета, подобно тебе был молод, влюблен в свою профессию и полон желания совершить переворот в науке... – он умолк, словно подбирая слова.

Я предположил, что сейчас последует одна из историй о том, как жизненная трагедия переворачивает представления человека, и он находит утешение у Бога, – подобные сентенции в последние годы нередко можно было прочесть в прессе. Но услышал я нечто совершенно иное.

– Чем глубже я погружался в науку, тем удивительнее мне казался объект исследования – физический мир. У нас нет стройной теории, объясняющей все его проявления, но существование единой концепции представлялось мне несомненным. Мир изумительно устроен – с таким утверждением согласится любой ученый, но меня постоянно мучило ощущение, что мы все время что-то упускаем, что Вселенная не может существовать сама по себе, во всех ее закономерностях прослеживается грандиозный замысел.

Видишь ли, открытие квантовой механики полностью перевернуло мир физики, оторвало его от реальности материи, данной нам в ощущении. Я долгое время занимался именно этим направлением и был согласен с теми западными учеными, кто считал, что квантовая механика может исключить любую возможность существования реальности, независимой от сознания. Надо сказать, в представлении любого материалиста сосуществуют как бы два образа материи. Опыт, диктуемый нашей практической жизнью, говорит о том, что «ничто не рождается из ничего», материя вокруг нас не склонна самоусложняться, любая сколь угодно сложноорганизованная материальная форма, предоставленная самой себе, постепенно разрушится. Но когда мы рассматриваем явления космического масштаба, то наблюдаем нечто обратное – материя непрерывно эволюционирует, принимая такие невероятно сложные формы, как например, человеческий мозг, что мы их устройство даже понять не в силах. Кроме того, возникают и другие, не менее озадачивающие вопросы. Тебе, конечно, известно, что в доступной нам для изучения части Мироздания имеет место ряд определенных соотношений между фундаментальными параметрами, причем малейшее отклонение от существующих величин этих констант полностью изменило бы облик Вселенной и исключило бы существование разумной жизни. Вероятность случайного совпадения при получении этих параметров ничтожно мала. Как это можно объяснить?

– Ну, есть целый ряд научных объяснений, вплоть до того, что существует бесконечное множество вселенных с различными характеристиками, – не растерялся я с ответом.

Отец Сергей, улыбнувшись, продолжил:

– С точки зрения логики самым верным, как правило, оказывается самое простое объяснение, не так ли?

– Ага, бритва Оккама³⁸, – снова блеснул я знаниями.

³⁸ Бритва Оккама — принцип, получивший название от имени английского монаха-францисканца Уильяма Оккама. В кратком виде он гласит: «Не следует множить сущее без необходимости». В современном понимании принцип бритвы Оккама состоит в следующем: если какое-то явление может быть объяснено двумя способами, при прочих равных условиях следует считать верным то объяснение, которое проще.

И проще всего предположить, что физические параметры и направление развития нашего мира таковы потому, что их кто-то задал. Господь Бог, или Творящее сознание за границами существования, как такового. Просто для ученых-материалистов это объяснение неприемлемо. Но это не значит, что оно неверно.

Я, внутренне не способный согласиться с выводами своего собеседника, в том числе и с тем, что с привлечением Бога устройство мира объяснить проще, все же с любопытством спросил:

– И что с вами случилось дальше?

– А дальше... – священник усмехнулся. – Дальше я поделился своими соображениями с парой коллег. Они отнеслись к моей идее... ну, примерно, как ты сейчас. И решили, что в рядах советских ученых мне не место. Меня с треском выгнали из партии, а потом и из института, где я работал.

– И вы решили продолжить свои поиски Бога в церкви? – спросил я.

– Нет, сынок, священником я стал значительно позже. Каждый человек рано или поздно должен найти ту силу, что видится ему проводником добра в мир и примкнуть к ней...

Мария, 1971 год

– Ах, Серафима, я не знаю, что мне делать, – обычно сдержанная и застенчивая Маша сидела на стуле перед старшей подругой, уткнувшись лбом в заломленные от отчаянья руки.

– Маш, с чего ты так переживаешь? Вроде пока ничего страшного в твоей жизни не происходит.

– Ты не понимаешь, – печально констатировала девушка и решилась, наконец, на признание:

– Я люблю его.

– Кого – Александра? – спросила Серафима и отчего-то покраснела.

Мария даже опешила от такого предположения обычно проницательной подруги.

– Да нет же! С Сашей мы близкие друзья, он много для меня значит, но это совсем не то. Он такой славный, такой надежный. Я ему доверяю безмерно, но более глубоких, ну ты понимаешь... женских чувств он во мне не вызывает.

– И кого же ты любишь? – перебила излияния девушки Серафима.

Немного помолчав и тем самым как бы подчеркнув значимость своего заявления Мария ответила:

– Яна, конечно.

– О боже, – невольно ахнула старшая подруга. Но быстро придя в себя, торопливо заговорила:

– Маш, это серьезно, конечно, но не смертельно. Разумеется, то, что он иностранец сильно усложняет дело, но все равно в ситуации нет ничего ужасного или невозможного.

Мария понимала, что ее собеседница чувствует долю своей вины в происходящем – ведь это она невольно стала причиной Машиной встречи с «неподходящим мужчиной». И даже больше – именно знакомство с Серафимой стала тем мостиком, по которому Мария отправилась навстречу своей странной судьбе.

Маша познакомилась с Серафимой в первый же день своей работы в Археологическом институте, куда ее распределили после истфака университета. Молодая женщина-археолог потрясла девушку с одного взгляда. Впрочем, Серафима изумляла всех, кто впервые с ней встречался. Ее внешность и манера одеваться совершенно не соответствовали негласному протоколу всех советских научных учреждений. На фоне строгих костюмов, скучных блузок и невнятных платьев ее солнечно-пестрые, свободные наряды смотрелись особенно необычно. А полное отсутствие лицемерия и сдержанности, трогательная детскость, легкость и веселый нрав очаровывали даже самых суровых поборников дисциплины. Она была там как «луч света в темном царстве». Разумеется, у Серафимы имелся высокий покровитель, иначе ей бы не позволили так вольно себя вести в стенах столь серьезного учреждения.

Коллеги считали Серафиму безобидной чудачкой из-за ее страсти к изучению пирамид. Эта тема в научных кругах числилась среди самых спекулятивных, недостойных серьезного ученого. Если бы Серафима была хотя бы египтологом – среди них немало было тех, кого затягивали в сети нераскрытых загадок эти поражающие воображение постройки древности. Но специализацией Серафимы был неолит, «во время которого – вы слышите, Серафима Сергеевна! – никаких пирамид существовать просто не могло! Напишите уже статью о типолого-морфологических различиях керамики эпохи неолита, давно обещаете» ...

Серафима пристрастила Марию к театру, чудом доставая контрамарки на все премьеры. Однажды Мария никак не могла сосредоточиться на спектакле, ее охватило беспокойство, как случается, если кто-то упорно смотрит тебе в спину. Наконец, позабыв приличия, она резко обернулась и действительно наткнулась на пристальный взгляд незнакомца. В антракте

он подошел к девушкам – привлекательный мужчина, блондин, около сорока, явно иностранец. Мария, конечно, испугалась – неформальное общение с зарубежными гостями в те времена могло быть опасным, а Серафима заулыбалась, стала щебетать по-английски. Незнакомец представился: Ян Смит, британский дипломат. Сначала Мария демонстративно не участвовала в беседе, но обаяние и тонкий интеллигентный юмор Яна сделали свое дело, и вскоре она с увлечением внимала его рассказам о своей стране. То ли с иронией, то ли с ностальгией романтично именуя Великобританию «туманный Альбион», он так ярко живописал английские пейзажи, архитектуру, образ жизни и обычаи англичан, что Мария словно воочию видела, как туман рассеивается и перед ней возникают то изящные шпили Вестминстерского аббатства, то Затерянные сады Хелигана в графстве Корнуолл, то таинственный Стоунхендж... Кому-то это могло показаться праздной болтовней, но страстно влюбленная в историю Мария была очарована.

Не говоря уже о том, что людям, живущим за «железным занавесом»³⁹ Великобритания, как, впрочем, и большинство других стран мира, казалась настолько далекой и нереальной, что человек, обитающий там, был сродни инопланетянину – существу, окруженному чудесным ореолом недоступных возможностей.

С наслаждением вслушиваясь в идеально правильную английскую речь незнакомца, девушка не заметила, как исчезла Серафима...

– Я так поняла, ты стала с ним встречаться? – участливо спросила Серафима.

Маша неуверенно кивнула, еще не решив, стоит ли во всем признаваться старшей подруге, но желание поделиться стало просто неодолимым, и слова хлынули из нее сплошным потоком.

Да, все началось банально: она, вопреки здравому смыслу, стала ходить на свидания с Яном. Дело было вовсе не в том или не только в том, что он – достаточно молодой, интересный внешне, умный и прекрасно образованный – был невероятно притягателен для молодой неискушенной девушки, какой была Мария. Она изначально ощутила в этом мужчине нечто, чего не могла сформулировать словами. Словно его привлекательная внешность, приятные манеры и редкостное умение поддержать беседу на любую тему были лишь ширмой, за которой угадывался человек настолько неординарный, что Марию это даже пугало.

Роман с иностранцем был опасен и мог закончиться в любой момент. Мария, как и почти всякая девушка на подобной стадии отношений, не могла не мечтать о совместном будущем, хотя прекрасно знала, что рано или поздно он уедет на свою свободную родину, а она останется. И, учитывая существовавшие в советской стране порядки, хорошо, если эта история обойдется для нее без последствий.

Она вспоминала упоительные вечера, которые они с Яном проводили, гуляя по московским улицам, то посещая музеи и театры, то просто забредая в неизведанные уголки столицы – уютные скверы, тихие дворики. А порой Ян приводил ее в такие места, куда простым советским гражданам попасть было невозможно: закрытые показы мод, камерные кинопросмотры, странные полулегальные лекции. Но Марию волновали и будоражили не огромные возможности этого необычного мужчины, а он сам. Ян казался милым, веселым, галантным, он много говорил о странах, в которых побывал, о невероятно красивых местах и интересных обычаях.

– Как ты догадываешься, особенно меня завораживали его пересказы различных исторических событий – он так образно живописал произошедшее, словно видел своими глазами. Хотя мне и казалось, что в угоду яркости повествования он приукрашивает и искажает детали, получившиеся истории были просто великолепны! И я чувствовала, что Яном руково-

³⁹ «Железный занавес» – метафорический термин, означающий информационный, политический и пограничный барьер, на протяжении нескольких десятилетий отделявший СССР от капиталистических стран.

дит отнюдь не желание понравиться, произвести впечатление. Он настоящий, понимаешь? Как подлинник великой картины. В общем, я сама не заметила, как влюбилась. Безумно и бесперспективно, – заключила Мария.

Серафима с добрым любопытством начала выпрашивать подругу обо всем, от обсуждаемых тем до прикосновений, поцелуев и того, что обычно за этим следует. И Мария, смущаясь, призналась, что «этого» у них еще не было. Она не сомневалась в том, что Ян страстно ее хотел – не нужно быть опытной женщиной, чтобы ощутить мужское желание. Девушка таяла и млела от его прикосновений и была готова зайти по дороге страсти сколь угодно далеко. Но словно невидимая преграда стояла между ними, не позволяя совершить последний шаг к физической близости.

Мария относилась к порядочности любимого мужчины, знающего, что он не может предложить ей ничего, кроме недолгих отношений, обреченных закончиться с его отъездом. Серафима подозревала, что все гораздо сложнее, но не спешила делиться своими мыслями с юной подругой.

– Я так понимаю, ты не только что осознала, что любишь его. Откуда же такое отчаяние? – допытывалась Серафима.

И Мария призналась, что сегодня, уже будучи уверена, что необратимо влюблена, она набралась смелости и так задала Яну недопустимый с точки зрения всего, что она знала об отношениях женщины и мужчины, вопрос:

– Что я значу для тебя?

Это не было завуалированное типично женское «Ты меня любишь?», она действительно хотела понять, чем руководствуется ее загадочный спутник, встречаясь с красивой, образованной, но явно простоватой для него девушкой.

Они сидели на лавочке возле одного из Патриарших прудов и, отламывая куски хлеба от одного батона, бросали их жадной стае плавающих у берега уток. Утки, отгоняя друг друга, хватили крошки на лету или потешно ныряли в воду вниз головой за тонущим мякишем. Наблюдать за ними было забавно и почему-то грустно.

Ян долго молчал, и Мария уже было подумала, что он ее не услышал, занятый своими мыслями. Но повторить вопрос не решилась, и лишь печально смотрела, как причудливо искривляется отражение деревьев в поверхности пруда, растревоженной утиной стаей. Когда, наконец, Ян заговорил, она даже не сразу уловила смысл его слов.

– Ты для меня значишь больше, чем кто-либо другой на этой планете. Ты очень похожа на одну женщину, которую я знал когда-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.